Невидимая девушка

Автор:
Лайза Джуэлл

Невидимая девушка

Лайза Джуэлл

Tok. Триллеры Лайзы Джуэлл

Впервые на русском! Лайза Джуэлл – один из самых известных авторов Великобритании. Ее произведения – признанные бестселлеры, в которых органично сочетаются лучшие качества романтической, психологической и городской прозы, написанной с присущим англичанам тонким юмором и умением закрутить сюжет не хуже Агаты Кристи.

У внешне благополучной семьи Форс проблемы во взаимоотношениях. Кейт подозревает Роана в изменах, и хотя сейчас между ними затишье, обида и подозрение не покидают их дом.

Юная Сафайр как никто знает о проблемах в семье Роана. Она провела не один год под его присмотром, посещая его сеансы психотерапии. И ей не нравится, что они закончились. Под покровом ночи, ускользая из дома своего дяди, она, невидимая, следит за Роаном, чтобы быть к нему хоть немного ближе.

Через дорогу от семьи Форс живет Оуэн Пик. Его жизнь разваливается, ему не везет ни на работе, ни в личной жизни. Он все больше погружается в сумрачные глубины интернета, где его призывают мстить за обиды обществу, и больше всего – женщинам.

Когда однажды Сайфер пропадает, подозреваемых в избытке. Но все ли так просто?

"Мрачный, тщательно продуманный триллер, чье украшение – сложные, мучающиеся от одиночества и симпатичные (в основном!) персонажи".

Buzzfeed

«Я прочитала эту книгу за выходные. Оторваться от нее было невозможно. На данный момент – лучшее у Лайзы Джуэлл»

Джоджо Мойес

«Непредсказуемо, невероятно захватывающе… Это триумф!»

Люси Фоли

«У Джуэлл отличный темп повествования. Каждя ее история поражает сюжетными витками и ложными ходами, которые только разогревают интерес».

Booklist

Лайза Джуэлл

Невидимая девушка

Посвящается Джеку, Сонни и Какао: всем моим обожаемым животным, которых я любила и потеряла в этом году

Lisa Jewell

INVISIBLE GIRL

Copyright © Lisa Jewell 2020 This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Вечер Дня святого Валентина

23:59

Я пригибаюсь и натягиваю капюшон толстовки на голову, скрывая лицо. Девушка с рыжими волосами, идущая впереди меня, ускоряет шаг. Она знает, что ее преследуют. Чтобы не отстать, я тоже иду быстрее. Я всего лишь хочу поговорить с ней, но по тому, как она торопится уйти, понимаю, что она напугана. Услышав позади чьи-то осторожные шаги, я замедляю шаг. Затем поворачиваюсь и вижу идущую за нами фигуру.

Мне не нужно видеть его лицо, чтобы узнать, кто это.

Это он.

Сердце начинает стучать по ребрам, перекачивая кровь по телу с такой силой и быстротой, что я чувствую, как начинает пульсировать порез на ноге. Я отступаю в тень и жду, когда этот тип пройдет. Он сворачивает за угол, и я вижу, как меняется язык его тела, когда он видит идущую впереди женщину. Я узнаю его фигуру, угловатые очертания его тела и точно знаю, что он собирается делать. Я выхожу из своего укрытия. Я направляюсь к мужчине, иду навстречу опасности. Мои действия вполне сознательные, но моя судьба остается неизвестной.

До этого

Сафайр

Меня зовут Сафайр Мэддокс. Мне семнадцать лет. Со стороны отца я валлийка. Со стороны мамы во мне есть тринидадская и малайская кровь, и капелька французской. Иногда люди пытаются угадать, кто мои предки, но всегда ошибаются. Если кто-то спрашивает, я просто отвечаю, что я полукровка, и больше вопросов не возникает. Зачем вообще кому-то знать, кто с кем спал. В конце концов, это мое личное дело, верно?

Я учусь в предпоследнем классе школы в Чок-Фарм, где изучаю математику, физику и биологию, потому что я по жизни технарь. Вообще-то я не знаю, чем хочу заниматься, когда закончу школу. Все считают, что я поступлю в университет, но иногда мне кажется, что я просто хочу работать, может, в зоопарке, может, в парикмахерской.

Я живу в квартире с двумя спальнями на восьмом этаже высотки на Альфред-роуд, прямо напротив школы, в которую я не хожу, потому что ее еще не построили, когда я пошла в среднюю школу.

Моя бабушка умерла незадолго до моего рождения, а мама умерла вскоре после того, как я появилась на свет. Мой отец не хочет обо мне знать, а дедушка умер несколько месяцев назад. Так что я живу со своим дядей.

Он всего на десять лет старше меня, и его зовут Аарон. Он заботится обо мне, как отец. С девяти до пяти он работает в букмекерской конторе, а по выходным занимается садоводством. Наверное, он лучший человек в мире. У меня есть еще один дядя, Ли, который живет в Эссексе с женой и двумя крошечными дочками. Так что в семье наконец-то появились девочки, но для меня это уже довольно поздно.

Я выросла с двумя мужчинами, и в результате у меня не очень хорошо получается находить общий язык с девушками. Или, точнее, с мальчишками мне легче. Ребенком я тусовалась с ними, и меня называли сорванцом, хотя я им никогда не была. А потом я начала меняться и стала «хорошенькой» (я не думаю, что я хорошенькая, просто все, кого я встречаю, так говорят). Мальчишки больше не хотели тусоваться со мной в качестве друзей, стали как-то странно

вести себя со мной, и я поняла, что мне лучше завести подружек. И я их завела, но мы не очень близки, и вряд ли по окончании школы я когда-нибудь увижу кого-то из них снова. Но пока мы дружим, просто чтобы чем-то заняться. Мы все знаем друг друга очень-очень давно. Это легко.

Вот такая я в общих чертах. Я бы не сказала о себе, что я счастливый человек. Я не слишком часто смеюсь и не люблю обниматься, как другие девушки. У меня скучные хобби: я люблю читать и готовить. И не особо люблю куда-то ходить. Я люблю выпить капельку рома с дядей в пятницу вечером, пока мы смотрим телевизор, но я не курю «травку» и не принимаю наркотики. Удивительно, как много скучных вещей могут сойти тебе с рук, если ты красивая. Никто этого не замечает. Когда ты красивая, все просто думают, что у тебя классная жизнь. Люди порой бывают жутко близоруки. Люди вообще тупые.

У меня темное прошлое, и меня часто одолевают мрачные мысли. Я делаю жутковатые вещи, и иногда мне за себя страшно. Я просыпаюсь посреди ночи на смятых простынях. Перед сном я заправляю простыню под матрас, натягиваю ее так сильно, так туго, что от нее легко отскакивает монета. На следующее утро все четыре угла простыни вылезают из-под матраса. Я и моя простыня переплетаемся в объятьях. Я не помню, что случилось. Я не помню своих снов. Я не чувствую себя отдохнувшей.

Когда мне было десять лет, со мной случилось кое-что очень-очень плохое. Давайте не будем вдаваться в подробности. Но да, я была маленькой девочкой, и это был большой плохой момент, который не должна испытывать ни одна маленькая девочка, и то, что случилось, изменило меня. Я начала наносить себе повреждения, на лодыжках, под носками, чтобы никто не увидел порезов. Я знала, что такое самоистязание – в наши дни это знают все, – но я не знала, почему я это делаю. Я просто знала: это не дает мне зацикливаться на других вещах в моей жизни.

Затем, когда мне было лет двенадцать, мой дядя Аарон увидел порезы и шрамы, сложил два и два и отвел меня к терапевту, который направил меня в Детский центр Портмана для лечения. Меня отправили к человеку по имени Роан Форс.

Кейт

– Мам, можешь поговорить со мной?

Дочь, судя по голосу, запыхалась и напугана.

– Что? – спрашивает Кейт. – Что случилось?

– Я иду домой от метро. И я чувствую…

– Что?

– Это вроде тот самый парень… – Голос дочери понижается до шепота. – Он идет за мной по пятам.

– Просто продолжай говорить, Джорджи, просто продолжай говорить.

– Я и продолжаю, – огрызается Джорджия. – А ты слушай.

Кейт пропускает мимо ушей подростковую грубость и спрашивает:

– Где ты сейчас?

– Иду по Танли-Террас.

– Хорошо, – говорит Кейт. – Хорошо. Значит, ты уже почти здесь.

Она отодвигает занавеску и смотрит на улицу, в темноту январской ночи, ожидая, когда появится знакомый силуэт.

– Я тебя не вижу, – говорит она, начиная слегка паниковать.

– Я здесь, – отвечает Джорджия. – Я тебя вижу.

Когда она произносит эти слова, Кейт тоже замечает ее. Пульс начинает замедляться. Кейт отпускает занавеску и идет к входной двери. Обхватив себя руками и съежившись от холода, она ждет Джорджию. На противоположной стороне улицы на дорожку, что ведет к большому дому напротив, сворачивает и исчезает из виду чья-то фигура. Какой-то мужчина.

– Это он? – спрашивает она Джорджию. Дочь поворачивается. Ее руки сжаты в кулаки на манжетах мешковатого пуховика.

– Да, – говорит она. – Это был он.

Она дрожит. Кейт закрывает за ней дверь и увлекает за собой в теплый коридор. Дочь на миг обнимает Кейт и прижимает ее к себе, а затем говорит:

– Извращенец.

– Что именно он делал?

Джорджия сбрасывает пуховик и небрежно кидает его на ближайший стул. Кейт поднимает пуховик и вешает его в коридоре.

– Не знаю. Просто он какой-то жуткий.

– В каком смысле?

Кейт следует за Джорджией в кухню. Дочь между тем открывает дверцу холодильника, разглядывает его содержимое и снова закрывает.

– Не знаю, – повторяет Джорджия. – Просто шел за мной по пятам. Вел себя… очень странно.

– Он что-нибудь сказал тебе?

– Нет. Но, похоже, собирался. – Джорджия открывает кухонный шкафчик, достает упаковку кексов «Яффа», вынимает один и кладет в рот целиком. Жует и глотает, затем вздрагивает. – Он напугал меня до потери пульса, – говорит она. Ее взгляд падает на белое вино Кейт. – Можно мне глоток? Чтобы успокоить

нервы? – спрашивает Джорджия.

Кейт закатывает глаза и передает бокал дочери.

– Ты бы узнала его? – спрашивает Кейт. – Если бы увидела снова?

– Пожалуй. – Джорджия готова сделать третий глоток, но Кейт забирает у нее бокал.

– С тебя хватит, – говорит она.

– Но я пережила травму! – возмущается Джорджия.

– Вряд ли, – говорит Кейт. – Но это тебе урок. Даже в таком якобы «безопасном» районе нужно сохранять бдительность.

– Я ненавижу этот район, – бросает Джорджия. – Я не понимаю, зачем вообще здесь жить, если в этом нет необходимости.

– Ты права, – соглашается Кейт. – Мне самой не терпится вернуться домой.

Это съемный дом, временное жилье. Их собственный дом, в миле отсюда, пострадал от просадки. Они решили, что пожить какое-то время в таком «шикарном» месте – это приключение. Они не подумали, что в шикарных районах полно шикарных людей, которым не очень нравится тот факт, что поблизости живут другие люди. Они не думали о неприветливых домах с охраняемыми воротами, о том, насколько жуткими будут, по сравнению с их шумной улицей в Килберне, эти тихие, зеленые, застроенные особняками улицы. Им и в голову не приходило, что пустые улицы могут быть куда страшнее, чем улицы, где полно людей.

* * *

Немного погодя Кейт подходит к эркеру в своей спальне в передней части дома и снова отодвигает занавеску. Тени голых деревьев скользят по высокой стене напротив. За высокой стеной – пустой участок, на котором снесли старый дом,

чтобы освободить место для чего-то нового. Кейт иногда видит, как грузовики задним ходом въезжают в ворота между деревянными строительными щитами, а через час появляются снова, с кузовами, полными земли и щебня. Семья Кейт живет здесь уже год, и до сих пор нет никаких признаков того, что там роют котлован под фундамент или с инспекцией приезжает архитектор в строительной каске. Это самая редкая вещь в центре Лондона: пространство без какого-либо назначения, просто пустырь.

Кейт думает о своей дочери, сворачивающей за тот угол, вспоминает страх в ее голосе, представляет шаги у нее за спиной, дышащего ей в затылок незнакомца. Как же легко, думает Кейт, проломить дыру в щите, затащить с улицы девушку, надругаться над ней, даже убить и спрятать ее тело на этом темном, непонятно кому принадлежащем пустыре. И сколько времени потом потребуется, чтобы ее найти?

3

– Вчера вечером Джорджию напугали.

Роан отрывается от ноутбука. В его бледно-голубых глазах моментально появляется страх.

– Как именно напугали?

– Она немного испугалась, возвращаясь от метро. Думала, что кто-то увязался за ней.

Вчера вечером Роан пришел домой поздно. Кейт лежала в постели, слушая тявканье лисиц на пустыре напротив их дома, наблюдая сквозь тонкую ткань занавесок за колышущимися тенями ветвей снаружи, видя, как они извиваются, словно толпа зомби, и думала обо всем.

– Как он выглядел, тот мужчина, который преследовал тебя? – спросила она Джорджию в тот вечер.

– Обычно.

– Обычно – это как? Он был высокий? Толстый? Худой? Черный? Белый?

– Белый, – сказала она. – Обычный рост. Обычное сложение. Скучная одежда. Скучная прическа.

Странно, но заурядность этого описания заставила Кейт занервничать больше, чем если бы Джорджия сказала, что мужчина был настоящий громила с татуировкой на лице.

Кейт не может понять, почему чувствует себя так небезопасно в этом районе. Пока их дом ремонтируют, страховая компания предложила платить до 1200 фунтов стерлингов в неделю за временное жилье. За такие деньги они могли бы найти на своей улице красивый дом с садом, но по какой-то причине увидели в них шанс пережить приключение, пожить другой жизнью.

Просматривая в газете рекламные объявления о недвижимости, Кейт увидела объявление о шикарной квартире в шикарном доме в Хэмпстеде. Оба их ребенка учились в школе в Суисс-Коттедж, Роан работал в Белсайз-парке. Хэмпстед был ближе к обоим местам, чем их дом в Килберне, а значит, они могли добираться до школы или работы пешком, а не пользоваться метро.

– Смотри, – сказала она, показывая рекламу Роану. – Четырехкомнатная квартира в Хэмпстеде. С террасой. Двенадцать минут ходьбы до школы. Пять минут до твоей клиники. А Зигмунд Фрейд жил когда-то неподалеку! Согласись, было бы весело, – беспечно сказала она, – пожить какое-то время в Хэмпстеде?

Ни Кейт, ни Роан не являются коренными лондонцами. Кейт родилась в Ливерпуле и выросла в Хартпуле. Роан родился и вырос в городке Рай, в Сассексе, недалеко от побережья. Оба открыли для себя Лондон, уже будучи взрослыми, не имея ни малейшего представления о состоянии тамошней демографии. Подруга Кейт, всю жизнь прожившая на севере Лондона, отозвалась об их временном адресе так: «О нет, я бы не хотела там жить. Там никто друг друга не знает». Увы. Кейт не знала об этом, когда подписывала контракт о найме квартиры. Она не думала ни о чем, кроме поэзии почтового индекса, близости к живописному центру деревни Хэмпстед и знаменитой голубой мемориальной доски на доме Зигмунда Фрейда за углом.

– Может, теперь тебе стоит встречать ее из школы и вместе идти домой? – сказал Роан. – Когда она гуляет по вечерам?

Кейт представляет реакцию Джорджии, скажи она ей, что отныне будет сопровождать ее во всех ночных вылазках из дома.

– Роан, ей пятнадцать! Да она встанет на дыбы!

Он бросает на нее взгляд, каким пользуется все время, взгляд, который говорит: «Коль уж ты взяла принятие решений на себя, тебе придется возложить на себя и полную ответственность за все малоприятные последствия твоих решений. Включая возможное изнасилование/избиение/убийство нашей дочери».

Кейт вздыхает и поворачивается к окну. В стекле ей видно отражение мужа и свое собственное, смутный образ их брака на его срединном этапе. Они женаты уже двадцать пять лет и, вероятно, будут женаты еще столько же.

За окном идет снег. Густые хлопья крутятся в воздухе, напоминая помехи на экране телевизора. Снег размазывает их отражения. Наверху слышны приглушенные шаги соседей, американо-корейской пары, чьи имена она никак не может запомнить, хотя при встрече они улыбаются и жизнерадостно здороваются друг с другом. Откуда-то издалека доносится завывание полицейских сирен. Но в остальном тихо. Эта улица всегда такая тихая, а снег делает ее еще тише.

– Взгляни, – говорит Роан, слегка поворачивая к ней экран ноутбука.

Кейт опускает очки для чтения со лба на нос.

– «23-летняя женщина подверглась сексуальному насилию в Хэмпстед-Хите».

Она шумно вздыхает.

– Да, но, – возражает она, – это же Хэмпстед-Хит. Я бы не хотела, чтобы Джорджия гуляла там одна по вечерам. Я бы не хотела, чтобы оба наших ребенка гуляли там одни.

– Похоже, это третье нападение за месяц. Первое было на Понд-стрит.

Кейт на миг закрывает глаза.

– Это в миле отсюда.

Роан не отвечает.

– Я попрошу Джорджию быть осторожной, – говорит она. – Я скажу ей, чтобы она звонила мне, когда будет возвращаться домой поздним вечером.

– Хорошо, – говорит Роан. – Спасибо.

4

– Я знаю, кто это был! – восклицает Джорджия. Она только что ворвалась в кухню вместе с Тилли. Сейчас ровно половина пятого, и они обе в школьной форме. Они приносят с собой в квартиру порыв зимнего холода и атмосферу паники.

Кейт поворачивается и смотрит на дочь.

– Кто был? – говорит она.

– Тот жуткий тип! – отвечает Джорджия. – Тот, что шел следом за мной прошлой ночью. Мы его только что видели. Он живет в том странном доме через дорогу. В том, где на подъездной дорожке стоит это огромное кошмарное кресло.

– Откуда вы знаете, что это был он?

– Это точно он. Он что-то складывал в мусорные баки. И посмотрел на нас.

– Как он на вас посмотрел?

– Как-то странно.

Тилли стоит позади Джорджии, кивая в знак согласия.

– Привет, Тилли, – запоздало говорит Кейт.

– Привет.

Тилли – сущая пигалица; у нее огромные, похожие на леденцы глаза и блестящие черные волосы. Она похожа на героинь мультфильмов студии «Pixar». Они с Джорджией подружились совсем недавно, проучившись в одной школе почти пять лет. Она – первая по-настоящему достойная подруга, которую Джорджия приобрела с тех пор, как закончила начальную школу. И хотя Кейт до сих пор не разобралась, нравится ей Тилли или нет, она очень хочет, чтобы эта дружба продолжалась.

– Он узнал меня, – продолжает Джорджия. – Когда посмотрел. Было видно, что он узнал. Такой липкий, грязный взгляд.

– А ты это видела? – спрашивает Кейт у Тилли.

Тилли снова кивает.

– Да. Он определенно злился на Джорджию. Это я точно могу сказать.

Джорджия открывает новую пачку печенья «Лейбниц», хотя в шкафу есть начатая, и предлагает ее Тилли. Тилли вежливо отказывается, и девочки исчезают в спальне.

Входная дверь открывается снова, и появляется Джош. Сердце Кейт слегка оживает. Если Джорджия всегда приносит домой новости, объявления, бзики и перепады настроения, то ее младший брат приходит так, будто он никуда не уходил. Он ничего не приносит с собой, его проблемы раскрываются мягко и в нужный момент.

– Привет, дорогой.

– Привет, мам.

Он проходит через кухню и обнимает Кейт. Джош обнимает ее каждый раз, когда приходит домой, обнимает перед сном, обнимает, когда видит ее утром и когда выходит из дома дольше чем на пару часов. Он делает это с самого раннего детства, и она все ждет, когда эта привычка исчезнет или постепенно сойдет на нет. Но ему уже четырнадцать, однако он, похоже, не собирается расставаться с этой своей привычкой. Пусть это звучит странно, но Кейт иногда думает, что именно Джош все эти годы удерживал ее дома, хотя ни он, ни Джорджия больше не нуждаются в матери-домохозяйке. По какой-то причине он все еще кажется таким уязвимым. Для Кейт он по-прежнему маленький мальчик, который плакал, уткнувшись лицом в ладони, в первый день в детском саду, и все так же лил слезы четыре часа спустя, когда она пришла забрать его.

– Как дела в школе?

Он пожимает плечами.

– Хорошо. Нам раздали контрольную по физике. Я набрал шестьдесят из шестидесяти пяти баллов. Второй по результатам.

– Понятно, – говорит она и снова быстро обнимает его. – Джош, это потрясающе! Ты молодец! Физика! Она ведь не каждому дается легко. Даже не знаю, в кого ты такой умница.

Джош берет банан и яблоко, наливает стакан молока и какое-то время сидит с ней за кухонным столом.

– У тебя все в порядке? – спрашивает Джош после короткого молчания.

Кейт с удивлением смотрит на него.

– Да, – говорит она.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке?

– Да, – со смехом повторяет она. – Почему ты спрашиваешь?

Сын пожимает плечами.

– Просто так.

Затем берет стакан молока и школьный портфель и направляется в свою комнату.

– Что будет на ужин? – спрашивает Джош, обернувшись на полпути.

– Куриное карри, – говорит Кейт.

– Круто, – отзывается он. – Я настроен на что-нибудь острое.

А потом снова становится тихо, только Кейт и темные тени за окном; ее смутные мысли беззвучно скользят по дальним туннелям разума.

5

Это происходит тем же вечером. Все подспудные, бессознательные страхи Кейт по поводу этого места сливаются воедино. На подругу Джорджии Тилли напали сразу после того, как она вышла из их квартиры.

Кейт пригласила Тилли остаться на ужин, но та сказала:

– Нет, спасибо, меня ждет мама.

Кейт подумала: «Может, она просто не любит карри». Спустя несколько минут после того, как Тилли ушла, в дверь постучали, затем раздался звонок, и Кейт пошла открыть. За дверью стояла Тилли, бледная как мел, огромные глаза были широко распахнуты от ужаса.

– Кто-то лапал меня. Он меня щупал.

Кейт затаскивает ее в кухню, пододвигает стул, дает стакан воды и спрашивает, что именно произошло.

– Я только перешла дорогу. И шла там. Рядом со строительной площадкой. И у меня за спиной кто-то был. И он схватил меня. Вот здесь. – Она показывает на бедра. – И пытался меня утащить.

– Куда утащить?

– Да никуда. Просто хотел прижать меня к себе.

Джорджия усаживает Тилли за стол и берет ее за руку.

– Боже мой, ты его видела? Ты видела его лицо?

Руки Тилли, лежащие на коленях, дрожат.

– Не совсем. Ну, типа того. Не думаю… Все было просто… очень быстро. Да, очень, очень быстро.

– Тебе больно? – спрашивает Джорджия.

– Нет? – неуверенно произносит Тилли, как будто задает вопрос. – Нет, – повторяет она. – Я в порядке. Я просто… – Она смотрит на свои руки. – Я испугалась. Он был… Это было ужасно.

– Возраст? Сколько ему лет? – спрашивает Кейт. – Ну, примерно?

Тилли пожимает плечами.

– Не знаю. – Она шмыгает носом. – На нем был капюшон, а лицо закрыто шарфом.

– А рост?

– Думаю, он был довольно высокий. И худой.

– Может, мне вызвать полицию? – спрашивает Кейт и тотчас задается вопросом, почему она спрашивает шестнадцатилетнюю девушку, на которую только что напали, звонить в полицию или нет.

– Ради бога, – сказала Джорджия. – Конечно же, надо звонить.

И, прежде чем Кейт успевает взять телефон, набирает номер полиции.

А потом приезжает полиция, приезжает мама Тилли, и вечер странным образом превращает дом в место, в котором Кейт никогда раньше не была, в место, где на ее кухне толпятся полицейские, где плачет мать, которую она раньше никогда не встречала; место, наполненное нервным возбуждением, которое даже после того, как полицейские уходят, а Тилли и ее мать уезжают на такси, еще несколько часов не дает сомкнуть глаз. Кейт знает: никто не может спать спокойно, потому что случилось что-то дурное, и это как-то связано с ними и как-то связано с этим районом, и чем-то еще, что это неким образом связано с ней самой, какое-то плохое событие или ошибка, которую она совершила, потому что она нехороший человек. Кейт всячески пыталась перестать думать о себе как о плохом человеке, но, лежа той ночью в постели, она внезапно проникается ужасным пониманием. Оно терзает ее сознание, пока ей не кажется, будто с нее содрали кожу.

* * *

На следующее утро Кейт просыпается незадолго до того, как звенит будильник, проспав всего три с половиной часа. Она поворачивается и смотрит на Роана – тот лежит на спине, аккуратно спрятав руки под пуховое одеяло. Приятный на вид мужчина, ее муж. Он потерял бо?льшую часть волос и теперь бреет голову налысо. Ей видны странные очертания черепа, о существовании которых она даже не подозревала, когда познакомилась с ним тридцать лет назад. Ей казалось, что его череп – гладкий, как нижняя часть глиняной вазы. Вместо этого он представляет собой пейзаж с холмами и долинами и крошечным шишковатым шрамом. От висков ко лбу тянутся вздувшиеся вены. У Роана крупный нос и глаза с тяжелыми веками. Он ее муж. Он ее ненавидит. Она это знает. И это ее вина.

Она тихо выскальзывает из постели и подходит к эркерному окну, выходящему на улицу. Только что взошедшее солнце сквозь кроны деревьев бросает лучи на

строительную площадку на другой стороне улицы. Та выглядит совсем безобидно. Затем Кейт смотрит дальше вправо, на дом с креслом на подъездной дорожке. Она думает о человеке, который там живет, о жутком типе, который шел за Джорджией всю дорогу от станции метро, который вчера вечером, выставляя мусорные баки, бросал на нее и Тилли грязные взгляды. О том типе, который соответствует описанию Тилли.

Кейт находит визитную карточку, которую полицейский оставил ей вчера вечером. Детектив-инспектор Роберт Бёрдетт. Она звонит ему, но тот не отвечает, поэтому она оставляет ему голосовое сообщение.

– Я звоню по поводу нападения на Тилли Красники вчера вечером, – начинает она. – Я не знаю, значит ли это что-нибудь, но через дорогу от нас живет мужчина. Дом номер двенадцать. Моя дочь говорит, что позапрошлой ночью он преследовал ее, когда она шла домой. И еще она говорит, что он странно смотрел на нее и Тилли вчера вечером, когда они возвращались домой из школы. Боюсь, я не знаю его имени. Ему лет тридцать или сорок. Это все, что мне известно. Извините. Просто эта мысль пришла мне в голову. Дом номер двенадцать. Спасибо.

* * *

– Ты разговаривала сегодня с Тилли? – спрашивает Кейт Джорджию тем же утром, когда ее дочь кружит по всей квартире, готовясь уйти в школу.

– Нет, – отвечает Джорджия. – Она не отвечает ни на сообщения, ни на звонки. Похоже, ее телефон выключен.

– О боже, – вздыхает Кейт. Она не в силах вынести чувства вины, ощущения того, что она неким образом причастна к тому, что случилось. Она представляет Джорджию, свою красивую, бесхитростную дочь, которую по дороге домой из дома подруги лапает в темноте какой-то мужчина. Эта мысль невыносима. Затем она представляет себе крошечную, похожую на эльфа Тилли, у которой теперь нет сил даже принимать сообщения от своей лучшей подруги. Она находит номер, который мать Тилли ввела ей в телефон вчера вечером, и нажимает на «вызов».

Мать Тилли отвечает на звонок лишь с шестой попытки Кейт.

– Здравствуйте, Илона, это Кейт. Как она? Как Тилли?

Воцаряется долгое молчание. Слышно, как телефон передают из рук в руки. На заднем плане звучат приглушенные голоса.

– Алло? – наконец произносит чей-то голос.

– Илона?

– Нет. Это Тилли.

– Ой, – говорит Кейт. – Тилли. Привет, дорогая. Как твои дела?

Очередное странное молчание. Кейт слышит на заднем плане голос Илоны. Затем Тилли говорит:

– Мне нужно вам кое-что сказать.

– Что именно?

– О прошлом вечере. О том, что случилось.

– Да.

– Ничего не было.

– Что?

– Этот человек меня не трогал. Он просто подошел ко мне довольно близко, но Джорджия так напугала меня из-за того типа, который живет напротив вас, понимаете, и я подумала, что это он. Но это был не он. Это был кто-то совершенно другой и… и я кинулась обратно к вам, и я…

В трубке слышны какие-то шаркающие звуки, и затем снова звучит голос Илоны.

– Извините, – говорит она. – Честное слово, извините. Я сказала ей, что она должна сама сообщить вам об этом. Я просто не понимаю. В смысле, я знаю, сейчас у них напряженное время, у девочек… экзамены, социальные сети и все такое прочее, ну, сами понимаете. Но все же это не оправдание.

Кейт медленно моргает.

– То есть никакого нападения не было? – Это полная бессмыслица. Бледная кожа Тилли, ее широко распахнутые глаза, ее трясущиеся руки, ее слезы.

– Никакого нападения не было, – бесстрастно подтверждает Илона, и Кейт думает, что, возможно, она сама в это тоже плохо верит.

В окно Кейт видит, как инспектор Роберт Бёрдетт садится в машину, припаркованную на другой стороне улицы. Кейт вспоминает сообщение, которое она оставила ему на телефоне сегодня рано утром, о странном человеке в доме напротив. На нее накатывает волна вины.

– Вы сообщили в полицию? – спрашивает она Илону.

– Да. Конечно. Только что. Зачем им зря тратить свои ресурсы. Им их и так урезали. В любом случае, я сейчас отправляю ее в школу. Она поджала хвост. И еще раз, ради бога, извините.

Кейт выключает телефон и смотрит, как машина инспектора Бёрдетта подъезжает к перекрестку в конце улицы.

Почему Тилли солгала? В этом нет никакого смысла.

* * *

Кейт работает из дома. Дистанционно. Она профессиональный физиотерапевт, но бросила практику пятнадцать лет назад, когда родилась Джорджия, и больше никогда не возвращалась к лечению пациентов. Сейчас она изредка пишет статьи на темы физиотерапии для медицинских изданий и отраслевых журналов и время от времени снимает кабинет в клинике своей подруги в Сент-

Джонс-Вуде, чтобы лечить своих знакомых, но бо?льшую часть времени проводит дома, работая фрилансером (или «домохозяйкой с ноутбуком», как выразилась Джорджия). В Килберне у Кейт есть небольшой рабочий кабинет в мезонине, но в этом временном жилище она пишет, сидя за кухонным столом. Ее документы лежат в лотке для бумаг возле ноутбука. Очень трудно держать все в порядке и не допустить, чтобы ее рабочие материалы засосало общим семейным илом. Ей никогда не удается найти ручку, а муж и дети вечно что-то чиркают на обороте ее деловой переписки – еще одна вещь, которую Кейт не продумала как следует, прежде чем переехать в небольшую квартиру.

Кейт снова смотрит в окно на дом через дорогу. Затем возвращается к ноутбуку и гуглит.

Она выясняет, что в последний раз дом под номером двенадцать был куплен или продан десять лет назад, что необычно для такого шикарного адреса, как этот. Право собственности на здание принадлежит шотландской компании «Би-Джи Пропертиз». Больше ей ничего не удается найти ни о самом доме, ни о том, кто там живет. Какой таинственный дом, решает она. Люди въехали в него и больше не уезжают, они вешают плотные шторы и никогда не открывают их, они оставляют мебель гнить на подъездной дорожке.

Затем она гуглит лей-линии, проходящие через этот дом. Она смутно представляет себе, что такое лей-линии, но ей кажется, что здесь они явно есть. Их просто не может не быть на этом перекрестке, где на улице поздно ночью нет голосов, где пустые участки не застроены, где каждую ночь тявкают лисы, где странные типы преследуют девочек-подростков по дороге домой и нападают на них в темноте и где она чувствует себя неуютно, где она чужая.

6

После событий того вечера, когда Тилли заявила, что на нее напали, Кейт перестает проходить мимо дома с креслом на подъездной дорожке.

Расположение ее дома таково, что для того, чтобы попасть на главную дорогу или подняться в деревню, она может свернуть налево или направо, и теперь она решает повернуть налево. Ей не хочется рисковать и пересекаться с мужчиной, к

которому она три дня назад невольно послала полицию в связи с нападением на юную девушку, нападением, которого, по всей видимости, на самом деле не было. Он вряд ли знает, что это она указала на него, но ей будет неудобно перед ним, если она его встретит.

Кейт старается даже не смотреть в сторону дома этого человека, но сейчас, когда она идет в деревню с сумкой, полной документов с веб-сайтов, чтобы отнести их на почту, ее взгляд тотчас устремляется к нему. Под прямым углом к входной двери стоит женщина примерно того же возраста, что и Кейт, но, может, на десяток лет старше. Она моментально привлекает внимание: в длинном сером пальто, сразу нескольких узорчатых шарфах и ботильонах. Стального оттенка седые волосы собраны в пучок высоко на голове. Пучок накренился и, кажется, вот-вот завалится ей на лоб. У нее черная подводка для глаз, она сжимает ручку небольшого чемодана на колесиках и несколько сумок, какие обычно берут в салон самолета. Кейт видит, как она роется в сумочке, достает связку ключей и поворачивается лицом к входной двери. Затем незнакомка на мгновение останавливается в коридоре, просматривает почту на пристенном столике, и дверь за ней закрывается.

Кейт ловит себя на том, что стоит посреди улицы и таращится на закрытую дверь. Она быстро поворачивается и шагает вверх по холму к деревне.

* * *

Сдав в почтовом отделении посылки, Кейт живописным маршрутом возвращается домой. Если она ошиблась, выбрав это место для временного проживания их семьи, она хочет восполнить свою оплошность, получая от деревни Хэмпстед как можно большее удовольствие, пока здесь живет. Килберн – шумное, грязное, живое место, и Кейт любит его всем сердцем. Но у Килберна нет сердцевины, нет центра, это просто лестница из маленьких улиц, идущих перпендикулярно главной. В отличие от Килберна, в Хэмпстеде есть переулки, закоулки, турникеты, коттеджи, тропинки и тайные кладбища, и он простирается во всех направлениях на милю или больше, вплоть до Хэмпстед-Хита на севере и до широких величественных проспектов на юге и западе. Это самая настоящая лондонская деревня, и каждый новый уголок, который Кейт обнаруживает во время прогулок, неким образом окрашивает ее день.

Сегодня Кейт идет дальше, чем обычно, через небольшую дикую часть Хэпмстед-Хита, изрезанную пешеходными тропинками, через шепчущую рощу, а затем по извилистой улочке с причудливыми старыми домами, в основном георгианскими, пока внезапно не оказывается посреди совершенно другого ландшафта. Это плоская низина с белыми домами в стиле фильмов про Джеймса Бонда. Они лепятся друг к другу, словно куски черепицы на крыше, дома с бетонными дорожками и винтовыми лестницами. В каждом доме есть широкая терраса с видом на лес и Хэмпстед-Хит. Кейт достает телефон и делает то, что делает всегда, когда оказывается в новом месте в этой деревне: гуглит.

И обнаруживает, что находится посреди микрорайона самых дорогих муниципальных домов из всех когда-либо построенных, возможно, даже единственного такого во всем в мире. Микрорайон этот – неудачное детище идеалистического эксперимента лейбористского правительства 1970-х годов, попытки дать хорошее, богатое жилье бедным. Одна только земля под застройку стоила почти полмиллиона фунтов стерлингов. Строительство каждого дома обошлось в 72 000 фунтов. Проект потерпел фиаско, когда правительство попыталось окупить вложения, взимая с жильцов несусветные деньги за социальное жилье. Эксперимент окончился громким провалом.

Теперь эти дома вызывают восхищение архитекторов. Кейт находит на сайте бюро по продаже недвижимости квартиру с двумя спальнями более чем за миллион фунтов стерлингов. Кто бы мог подумать, задается вопросом она, кто бы мог предположить, что этот маленький футуристический рай будет спрятан здесь, за особняком эдвардианской эпохи?

Кейт оглядывается и внезапно понимает, что она здесь совершенно одна. Вокруг ни души. Она слышит, как ветер разговаривает с ней шелестом листьев на деревьях, окружающих этот странный анклав. Они велят ей уйти. Прямо сейчас. Ей здесь не место. Она ускоряет шаг, затем еще и еще, и вскоре почти бежит по лугу, мимо домов, вниз по холму, обратно на главную улицу, к салонам красоты, бутикам и магазинам, в которых продают всякую ерунду за непомерно большие деньги.

Когда она проходит мимо станции метро, ее внимание привлекает плакат местного информационного бюллетеня «Хэмпстедский вестник». «СЕКСУАЛЬНОЕ НАПАДЕНИЕ ПРИ СВЕТЕ ДНЯ».

Она останавливается и, чувствуя, как адреналин все еще бурлит в ее крови, смотрит на эти слова. На миг ей кажется, что заголовок принадлежит параллельной реальности, где она слишком долго задержалась, в том месте, которое приказывало ей уйти. И не обнаружит ли она, прочитав статью, что это она, Кейт Форс, пятидесятилетняя женщина… немолодая мать двоих детей, подверглась жестокому нападению в заброшенном муниципальном микрорайоне 1970-х годов и теперь не может объяснить, что она делала там одна среди бела дня?

Затем Кейт снова думает о Тилли, как делала почти каждую минуту каждого дня с тех пор, как увидела ее в дверном проеме четыре дня назад, и задается вопросом, есть ли какая-то связь между всплеском сексуальных нападений в их районе и утверждением Тилли, что в понедельник вечером ничего не произошло.

Шагая вниз по холму, она проходит мимо местного газетного киоска. Здесь она покупает «Хэмпстедский вестник» и возвращается домой.

* * *

Тем вечером Роан снова вернулся поздно. Роан – детский психолог, он работает в Портман-центре в Белсайз-парке. Иметь мужа, работающего детским психологом, не так уж полезно, как кажется. Похоже, ее муж способен сопереживать только детям с социопатическими наклонностями (социопатия у детей – его специализация). Такие дети, как их собственные, которые в чем-то немного странные, но совершенно нормальные во многих других отношениях, похоже, полностью сбивают его с толку, и он реагирует так, будто никогда раньше не встречал подростков. Более того, всякий раз, когда кто-то из них делает нечто такое, что можно списать на стереотипное поведение подростка, он ведет себя так, будто не имел собственного личного опыта подросткового возраста.

Это приводит Кейт в ярость. Она никогда не ощущала более тесного контакта со своим собственным подростковым «я», чем теперь, когда подростками стали ее дети, как будто бы она прошла в дверь на дальнем конце родительства и странным образом встретила себя, идущую навстречу.

– Как прошел твой день? – едва ли не сахарным голосом спрашивает она, голосом, каким пользуется, когда хочет расположить к себе. Если начать

вечерний разговор на высокой ноте, то Кейт сама же будет виновата, если позже все пойдет под откос. Она понятия не имеет, сумеет ли Роан уловить намек притворства в ее голосе, но он отвечает из коридора самым сердечным тоном:

– Совсем неплохо. А как твой?

И вот он на кухне, ее бритоголовый муж, спасающийся от январского холода в черном пуховике, шапке и перчатках. Он снимает шапку и кладет ее на стол. Затем снимает перчатки, обнажая длинные угловатые руки. Он стаскивает с плеча сумку и кладет ее на стул. Он не смотрит на Кейт. Они больше не смотрят друг на друга. Все нормально. Кейт не особо нуждается в том, чтобы он на нее смотрел.

Его рука тянется к «Хэмпстедскому вестнику», лежащему на столе. Роан смотрит на заголовок.

– Еще один случай?

– Еще один, – отвечает Кейт. – На этот раз на соседней улице.

Он кивает и продолжает читать.

– Среди бела дня, – говорит он.

– Я знаю, – говорит она. – Ужасно. Бедная женщина. Просто шла по своим делам. Думала, что это будет нормальный день. Какой-то больной засранец решает, что может делать то, что ему заблагорассудится, решает, что имеет право прикасаться к ее телу. – Она вздрагивает, вновь подумав о крошечной Тилли, стоящей на пороге с глазами, полными ужаса.

Входит Джорджия.

На ней прикид для отдыха: гладкие трикотажные шорты и толстовка с капюшоном. В ее возрасте у Кейт не было прикида для отдыха; у нее была лишь уличная одежда и пижама, и ничего кроме этого.

Роан подсовывает ей «Хэмпстедский вестник».

– Послушай, Джорджи, – говорит он. – В этом районе завелся сексуальный маньяк. Нападает на женщин. Последний случай произошел совсем рядом. Среди бела дня. Пожалуйста, имей голову на плечах. И старайся не шастать по улице, слушая музыку в наушниках.

Джорджия фыркает.

– Моя голова всегда при мне, – говорит она. – Да и мозги у меня молодые. А не старые и дерьмовые, как твои. Готова спорить на что угодно, это тот самый чувак. – Она постукивает пальцем по первой странице газеты. – Тот, что живет через дорогу. Он настоящий гнус. На вид типичный насильник.

При упоминании человека из дома напротив Кейт слегка вздрагивает и краснеет от стыда. Она не сказала Роану и детям, что звонила в полицию и видела, как полицейские приезжали поговорить с ним. Ей стыдно за себя. Как же это типично для таких, как она, «праведниц» – настучать, вмешаться в чужую жизнь.

– Как там Тилли? – спрашивает она, меняя тему. – Она сказала тебе что-то еще про тот вечер понедельника?

Джорджия качает головой.

– Нет. Я пыталась поговорить с ней, но она ни в какую. По ее словам, ей слишком стыдно.

– И что ты думаешь? Ты считаешь, она это выдумала?

Дочь задумывается над ее вопросом.

– В некотором смысле да. То есть она могла бы. Ну, ты понимаешь, о чем я? Раньше за ней такое водилось.

– Что именно?

– Да, врала по мелочам. Типа, могла сказать, что знает имя какого-то рэпера или кого-то на YouTube, а если спросить у нее, кто это такой, выяснится, что она не имеет ни малейшего понятия. В общем, иногда она говорит что-то лишь для того, чтобы вписаться в тусовку, чтобы на нее обратили внимание. А когда понимает, что ее раскусили, то делает такие пустые, невинные глаза, и тогда вам становится стыдно за то, что вы выставили ее лгуньей.

– Но лгать о чем-то вроде этого! Как ты думаешь, она способна на такую ложь?

– Не знаю, – говорит Джорджия. Затем пожимает плечами и добавляет: – Да. Может быть. Она слишком остро реагирует на вещи. Может, она просто слишком остро отреагировала.

Кейт кивает. По ее мнению, это возможно. Но затем ее взгляд снова падает на заголовок на первой странице «Хэмпстедского вестника», и она чувствует, как на голову опускается темная тень сомнения.

7

За день до Дня святого Валентина Кейт в местном торговом центре выбирает поздравительную открытку для Роана. Она не станет дарить ему ничего романтического. Более того, за тридцать лет она как минимум раз десять вообще не покупала ему валентинки. День святого Валентина на самом деле не для них. Но уже тот факт, что, несмотря на все, что произошло в прошлом году, они дожили до еще одного Дня святого Валентина, заставляет ее думать, что открытка будет очень даже к месту.

Она берет открытку с изображением двух держащихся за руки фигурок. Над их головами надпись: «Ура! Мы все еще любим друг друга!»

Кейт кладет ее обратно на полку, как будто кусочек картона жжет ей пальцы. Она не уверена, что они с Роаном все еще любят друг друга.

В конце концов Кейт берет открытку с большим красным сердцем и простой надписью «Я тебя очень люблю». Это правда. Она все еще любит его. Любовь

проста, все остальное сложно.

Кейт вспоминает, что ровно год назад они с Роаном чуть не расстались. Это случилось ближе к середине семестра. Они думали, что, возможно, им даже придется отменить отпуск стоимостью семь тысяч фунтов, вот как все было плохо.

Это была ее вина.

Целиком и полностью.

Она решила, что у Роана роман с другой женщиной. Нет, не решила, а поверила… поверила всеми фибрами своего существа, без единой крупицы сомнения, ни разу не видев Роана с другой женщиной, ни разу не найдя его эсэмэсок, адресованных этой другой, ни разу не обнаружив ни единого пятна губной помады на воротнике. На какое-то время у нее совершенно поехала крыша.

В течение шести месяцев Кейт одержимо обшаривала все самые сокровенные уголки жизни своего мужа: его электронную почту, его текстовые сообщения, его WhatsApp, его фотографии и даже его рабочие документы. Она тщательно изучала ужасные детали психологически травмированной, но очень красивой молодой девушки, тщетно пытаясь найти подтверждение своей убежденности в том, что Роан занимается с ней сексом, беззастенчиво нарушая частную жизнь подростка, которая по наивности думает, что все, что она говорит своему психологу, должно оставаться в строжайшей тайне.

Роан обнаружил, чем занимается Кейт, в начале февраля. Или, вернее, она была вынуждена признаться ему, чем она занималась, после того как он, придя с работы домой, сказал ей, что, по его мнению, его новая ассистентка просматривает личные записи его пациентов и даже его электронную почту и его телефон. Роан добавил, что следит за ней и, в случае необходимости, готов сообщить о ней куда следует.

При мысли об официальном расследовании Кейт запаниковала и сказала:

– Это я. Это я. Это я… – И разрыдалась, пытаясь все объяснить, но ее слова не имели смысла, абсолютно никакого, потому что тогда, в течение нескольких

месяцев, она совершенно съехала с катушек.

Она надеялась, что после этого признания он обнимет ее, что она услышит рядом с ухом его тихий ободряющий голос, что он скажет ей, мол, все в порядке, я все понимаю, я прощаю тебя, не плачь. Вместо этого он посмотрел на нее и сказал:

– Большей подлости я не видел за всю свою жизнь.

Конечно, у него не было никакого романа. Он просто работал допоздна, уставал, ежедневно сталкивался с невообразимыми ужасами, общался с новой ассистенткой, которая была отнюдь не на высоте, у которой был больной отец. Он пытался привести себя в форму, от случая к случаю занимаясь бегом, и постоянно расстраивался из-за того, что ему никогда не хватало времени заниматься этим постоянно. По его словам, его жизнь была нескончаемой борьбой со всем этим. И теперь вот Кейт, идиотка, как свинья, сует свой нос в его личные дела, вторгаясь в его профессиональную сферу, подвергая опасности его работу, воображая о нем самое худшее, самое-самое худшее.

– С какой стати, – спросил он, умоляюще глядя на нее, как будто не верил своим глазам, – у меня должен быть роман?

Такой простой вопрос. Она умолкла и на минуту задумалась. Правда, зачем ему роман?

– Потому что я старая, – в конце концов сказала она.

– Я тоже старый.

– Да, но ты мужчина. У вас нет срока годности.

– Кейт, – ответил он. – И у тебя тоже. Не для меня. Ради бога, ты и я. У нас нет сроков годности друг для друга. Мы – это мы. Мы… просто мы.

После этого он съехал на несколько дней. Это была ее идея. Ей нужно было проветрить голову. Когда Роан вернулся, он сказал: «Я чувствую, что мы потеряли нашу нить. Как будто мы были в некой зоне, а теперь вышли из нее, и я

не знаю, как вернуться в нее снова».

– Я чувствую то же самое, – сказала Кейт.

За этим последовали несколько дней экзистенциальной драмы и переживаний, а также множество споров по поводу отмены жутко дорогого отпуска с катанием на лыжах, о том, как это воспримут дети, о страховых полисах (где не было специального пункта для «неожиданных семейных разногласий»). Затем за два дня до вылета они выпили бутылку вина, занялись сексом и решили просто поехать в отпуск и посмотреть, может, это все исправит.

В какой-то степени исправило. Дети были в восторге, полны веселья, солнце светило весь день и каждый день, а отель, который они выбрали, был выше всех похвал и полон приятных людей. Через неделю они вернулись домой и, подсознательно и без дальнейших обсуждений, просто решили жить дальше и забыть, что такое когда-либо случилось.

Но все же оно случилось. Кейт перешла линии и границы, нарушила доверие между ними, и даже сейчас она все еще чувствует себя жалкой. Материнство давало ей ощущение морального превосходства, но за шесть безумных месяцев она полностью утратила свое положение и теперь вздрагивает под пристальным взглядом Роана, страшась, что он увидит за якобы прочным фасадом ее жалкую суть. Теперь Кейт комфортнее, когда он не смотрит на нее, когда он ее не видит. Потому что, если он ее не видит, он не может ее ненавидеть. А он ее ненавидит. Она это точно знает.

* * *

Сафайр, так звали пациентку, чьи личные записи она читала. Сафайр Мэддокс. В то время ей было пятнадцать, и она с десяти лет занималась членовредительством.

Однажды во время безумия прошлой зимы Кейт даже пришла к школе, где та училась, и стала наблюдать за ней через ограду. Вот она, та девушка, с которой, как подозревала Кейт, был роман у ее мужа. Высокая, худощавая, с плоской грудью, темные волосы собраны в пучок, руки в карманах черного блейзера. Взгляд светло-зеленых глаз прикован к спортивной площадке. Почти

царственная особа. Кейт ожидала увидеть совсем другую. На глазах у Кейт к девушке подошел мальчик, игриво пытаясь добиться ее внимания, и Кейт увидела, как мальчишка тотчас слинял, вернулся к своим друзьям. Его добродушное поведение было поведением человека, который ожидал получить то, что получил.

Затем к Сафайр подошли две девочки, и они втроем синхронно зашагали обратно к зданию школы.

Сафайр не производила впечатления девушки, которая резала себя разогнутыми скрепками. Скорее, она была похожа на пчелиную матку.

Последний раз Кейт видела Сафайр спустя пару месяцев после того, как они переехали в квартиру в Хэмпстеде. Она шла по Финчли-роуд с каким-то мужчиной, таща за собой хозяйственную сумку на колесиках.

Кейт некоторое время шла за ними, и ее сердце бешено колотилось от страха, она боялась, что ее застукают. У мужчины была явная хромота, и Сафайр то и дело останавливалась, чтобы он мог догнать ее, прежде чем они оба свернули в жилой квартал в конце Финчли-роуд и исчезли за дверями высотного многоквартирного дома.

Как только дверь за ними закрылась, Кейт остановилась и перевела дыхание. До нее внезапно дошло, что она делает. Он повернулась и быстро зашагала домой, пытаясь очистить свою психику от дурного поступка.

8

На следующее утро Роан с застенчивой улыбкой передает Кейт через стол красный конверт.

– Не волнуйся, если ты не успела… – говорит он. – Это было всего лишь… ну, ты знаешь…

Она улыбается, достает из сумочки свой красный конверт и протягивает ему.

– А теперь открываем… – игриво говорит она.

Они одновременно открывают конверты. Оба чувствуют себя довольно неловко. У Кейт открытка Роана с рисунком Бэнкси. Это красный воздушный шар в форме сердца с налепленным пластырем, который висит на стене в Бруклине в Нью-Йорке. Просто невероятно.

Кейт открывает открытку.

Внутри корявыми буквами написано: «Вы готовы отодрать пластыри?»

Она смотрит на Роана. С ее губ слетает легкий смешок. Ее живот приятно сжимается и растягивается.

– Ты готов? – спрашивает она.

Он опускает голову на грудь, затем поднимает снова. Он улыбается.

– Полностью, – говорит он. – Уже давно. Просто я…

Он смотрит на открытку, которую она только что ему протянула, с вежливой надписью: «Моему любимому мужу, счастливого Дня святого Валентина! С любовью, К.».

– Я ждал, – говорит он.

Кейт кивает. На секунду она растеряна, не зная, кому именно налепили на сердца пластыри, кто исцелился, а кто ждал. Она думала, что все наоборот. Что это она причинила ему боль.

– Может, сходим сегодня куда-нибудь выпить? – предлагает он. – Пусть даже в какой-нибудь захудалый паб? Во всех остальных столики будут заказаны заранее.

– Хорошо, – говорит Кейт. – Предоставь это мне. Я постараюсь найти самый захудалый паб.

* * *

Роан уходит. Кейт открывает ноутбук и приступает к работе. Общение с мужем ее немного нервирует. С тех пор как они переехали сюда, все идет наперекосяк. Даже их супружеская дисгармония, и та изменилась, слегка сдвинулась в такое место, которое Кейт плохо понимает. Она почти скучает по той прямоте и однозначности, которые чувствовала даже через несколько месяцев после признания Роану. Роан хороший. Кейт плохая.

Но после переезда в Хэмпстед она в этом уже не уверена. Поведение Роана было странным. Многие месяцы. Он поздно приходил домой, казался расстроенным и резким по отношению к ней и детям. Он внезапно отменял семейные планы, буквально накануне, за пять минут, часто без всякого разумного объяснения. Он шепотом отвечал на звонки на свой мобильный за запертыми дверями или даже выходил при этом на улицу. Что-то было. Определенно было. Что-то такое.

Кейт снова берет его открытку и перечитывает надпись. Фактически это признание того, что у нее есть причины для обиды. Но обиды на что? На его резкую реакцию на ее поведение? Или на что-то еще? Она закрывает открытку и ставит ее вертикально на стол. И пока работает, ее взгляд все время невольно скользит к ней.

У нее никак не получается сосредоточиться на работе, поэтому она открывает браузер и набирает «пабы рядом со мной». Прокручивая страницу, она слышит стук почтового ящика на общей входной двери и звук упавшей на коврик почты. Обрадованная возможностью отвлечься, Кейт вскакивает и идет в коридор, чтобы забрать почту. Она отодвигает в сторону письма для других жильцов дома и уносит в квартиру стопку своих. Почти на всех – большие белые наклейки с переадресацией почты поверх их адреса в Килберне. Но один конверт подписан от руки и адресован прямо Роану по этому адресу.

Кейт пару секунд смотрит на конверт. Почерк явно женский, почтовый индекс неполный, а содержимое жесткое, плотное, явно какая-то открытка. По идее, это может быть что угодно: предложение скидки из местной химчистки, визитка какого-нибудь мойщика окон. Все что угодно.

Кейт кладет конверт на стопку писем на кухонном столе и возвращается к поиску местных пабов. На ее телефон приходит сообщение. Оно от Джорджии.

МАМ.

Как будто она зовет ее из коридора.

Кейт вздыхает и отвечает.

– Да.

– Можешь принести мой бланк для экскурсионной поездки? Прямо сейчас.

Кейт закатывает глаза.

– Где он лежит?

– Не знаю. Где-то на кухне.

Кейт обыскивает кухню, просматривает груды собственных документов и, наконец, в корзине для бумаг находит бланк. Она разглаживает листок и отвечает Джорджии.

– Нашла. Сейчас принесу.

По правде говоря, Кейт рада возможности выйти из дома. На улице солнечно, и на обратном пути она может зайти в магазины. К тому же она всегда испытывает легкое волнение, входя в дверь средней школы, где учатся ее дети, проникая в таинственный мир, в котором они проводят по восемь часов в день.

По дороге в школу она проходит мимо многоэтажного дома, в который, как она видела несколько месяцев назад, входила Сафайр, таща за собой сумку на колесиках. Кейт на миг замедляет шаг и смотрит вверх. Солнечный свет отражается от окон, его лучи достают высоко, до самого неба. Кейт вновь вспоминает открытку, которую принесли с почтой сегодня утром, женский почерк, которым написан адрес на конверте, и чувствует, как на поверхность снова всплывает зудящее, неприятное чувство. То самое, которое год назад

заставило ее совершать немыслимые поступки.

Она тотчас ускоряет шаг и быстро идет к стенам школы из бордового кирпича, где учатся ее дети. Здесь ее встречает молодая женщина, сидящая за столом. Она ободряюще улыбается, как будто Кейт собирается обратиться к ней с какой-то неловкой просьбой.

– Для учащейся, – говорит Кейт, передавая дежурной сложенный лист бумаги. – Джорджия Форс из одиннадцатого G.

– О, прекрасно, спасибо. Я прослежу, чтобы ей его передали.

Глаза Кейт оглядывают холл в надежде увидеть ребенка, которого она узнает, ощутить нечто крошечное, что можно унести с собой. Но сейчас идут уроки, и детей в коридорах нет. Она снова выходит на улицу и делает глубокий вздох. Кейт замечает свое учащенное сердцебиение. Все ее чувства как будто обострились, а в воздухе пульсирует некая энергия, которую она только что заметила.

В супермаркете она покупает авокадо для Джорджии, куриные гужоны и багет для Джоша, литр яблочно-мангового сока, который исчезнет в течение тридцати секунд после того, как дети вернутся из школы. Она берет бульонные кубики и соль в тот самый редкий момент, когда вспоминает, что нужно купить именно бульонные кубики и соль. Затем берет масло, молоко и коробку медовых сот в шоколаде и расплачивается на кассе самообслуживания. В очереди за ней никого нет, поэтому она сканирует медленно и спокойно, все время косясь на стоянку такси. Там каждый день стоят одни и те же водители. Они толпятся на тротуаре, своего рода театр в миниатюре. Затем ее взгляд перемещается с таксистов на вход станции метро, где она видит знакомую фигуру. Он идет внутрь. Высокий, стройный, с гладким куполом бритого черепа, с сумкой, перекинутой по диагонали через плечо, с характерным отскоком подошвы при каждом шаге.

Роан, еле слышно бормочет Кейт себе под нос. Там ее муж. В темные, тайные моменты его жизни. Это сродни ощущению, которое она испытала, будучи в школе своих детей. Она достает телефон и звонит ему. Телефон звонит десять раз, затем отключается. По какой-то причине Кейт представляет, как Роан вытаскивает телефон из кармана, видит ее имя и сует его обратно в карман.

Полдень. Насколько ей известно, сегодня у него нет приема вне клиники. Может, у него встреча с кем-то во время обеденного перерыва?

Внезапно она вспоминает, что сегодня День святого Валентина. Она тотчас представляет Роана в модном ресторане в Сохо, красную розу на столе, официанта, наливающего шампанское в высокий бокал для красивой молодой женщины, сидящей напротив ее мужа.

Кейт качает головой, чтобы избавиться от этого образа.

Она больше не будет той, прежней.

9

В тот вечер Роан возвращается домой незадолго до семи часов. Кейт наблюдает, как он просматривает письма на кухонном столе. Роан добирается до белого конверта с открыткой в нем, и Кейт кажется, что сквозь него как будто проходит крошечный электрический разряд. Пальцы плохо повинуются, но Роан продолжает перебирать письма, затем безмолвно кладет конверт на кухонный стол.

– Ты все еще готова выпить сегодня вечером? – спрашивает Роан.

– Это да, – быстро отвечает она. – Я искала в интернете, но не нашла ничего без бронирования.

– Может, нам стоит просто отправиться в деревню? Заглянем в какой-нибудь самый затрапезный непраздничный паб?

– Я не против. Часиков в восемь?

Роан кивает.

– Отлично. Значит, часиков в восемь. Думаю, я даже успею совершить пробежку. Во сколько ужин?

Она смотрит на духовку, в которой готовятся гужоны Джоша. Она не думала про ужин для Роана. И для себя.

– Разве мы сегодня не ужинаем где-нибудь в пабе?

– Можно поужинать и там. Я не возражаю. В любом случае, я не настолько голоден.

Она открывает рот, чтобы сказать: «Это потому, что ты по какой-то причине обедал с кем-то где-то в городе». Но ей не хочется начинать вечер с упреков. Вместо этого она улыбается и говорит:

– Отлично. Удачной пробежки.

Мгновение спустя появляется Джорджия. Она идет к хлебнице и достает буханку дорогого ржаного хлеба, который Кейт покупает специально для нее. Джорджия кладет ломтики в тостер, затем идет к холодильнику, открывает отделение для овощей, шарит в нем какое-то время, выходит со свежим авокадо в руке, режет его над кухонной раковиной, кончиком ножа вытаскивает косточку, бросает ее в мусорное ведро, измельчает авокадо в той же миске, в которой она всегда делает пюре из авокадо, посыпает его солью, намазывает им два больших ломтика тоста, ставит на стол рядом с большим стаканом яблочно-мангового сока и впивается в него зубами.

Джорджия замечает, что Кейт наблюдает за ней.

– С тобой все в порядке, мама? – спрашивает Джорджия. Кейт кивает, стряхивая с себя легкую задумчивость.

– Все в порядке, да.

Джорджия свободной рукой берет валентинку работы Бэнкси и рассматривает ее.

– Ого, – говорит она. – Мило. Папа подарил тебе открытку. Вот это да. Что это значит?

– Это значит… – Кейт отрывает от рулона лоскут бумажного полотенца и вытирает пролитый на столешницу чай. – Я не знаю. Наверное, он думает, что я все еще переживаю из-за того, что произошло в прошлом году.

– Ты имеешь в виду ваш кризис?

– Да. Наш кризис.

– Это было так странно, – с набитым ртом говорит Джорджия. – Просто очень, очень странно. Из-за чего это вообще было?

Они никогда не рассказывали детям, из-за чего. Никогда не говорили детям, насколько близки они были к тому, чтобы расстаться. Они просто сказали, что у них небольшой кризис, что совершенно нормально после стольких лет совместной жизни, что они намерены провести несколько дней отдельно друг от друга, посмотреть, что они почувствуют после. А потом не было никакого «после». Роан вернулся. Они катались на лыжах. Жизнь продолжалась.

Кейт качает головой.

– Я все еще не поняла, – говорит она. – Просто одна из многих причин. Думаю, такое случается с каждой парой.

– Но теперь-то у вас все нормально? У тебя и папы?

– Да. Теперь все нормально. Скажу больше, сегодня вечером мы с ним идем в паб.

– Ой, а мне можно с вами?

Кейт приподнимает бровь.

– Это еще зачем? – улыбается она.

– Обожаю пабы.

– Ты такая странная.

– Что странного в том, что я обожаю пабы?

– Ничего, – улыбается Кейт. – Ничего. – И спрашивает: – Получила сегодня валентинки?

– Мам, с твоей стороны старомодно задавать такой вопрос. Ты должна спросить, подарила ли я кому-нибудь открытку. Я не какая-то там пассивная дурочка, которая сидит и ждет, когда мальчишки сделают что-то такое, чтобы произвести на нее впечатление.

– Отлично, – говорит она. – Рада это слышать. Ты послала кому-нибудь открытку?

– Ни за что! – восклицает Джорджия. – Ты видела мальчишек в моей школе? Отстой! – Джорджия кладет валентинку. – Где папа?

– Ушел на пробежку.

– Вот ненормальный.

Джорджию и Кейт объединяет нелюбовь к бегу. Ни одна из них не создана для него. От пота у обеих начинает зудеть и чесаться тело, и обе не любят ощущение твердого асфальта под ногами. Они обе считают, что в своем спортивном костюме из лайкры Роан выглядит довольно нелепо.

Джош входит на кухню, как обычно, чуть растерянно, как будто что-то ищет, но без особого воодушевления. Он подходит к Кейт и обнимает ее. Она чувствует исходящий от него запах школы и дезодоранта. Затем сын лезет в задний карман и вытаскивает помятый конверт.

– С Днем святого Валентина! – говорит Джош.

Кейт открывает конверт и вытаскивает открытку, которую он сам сделал из черного картона с красным бумажным сердечком на бумажной петельке. Внутри

написано: «Лучшей в мире маме. Я так люблю тебя».

Он каждый год сам делает для нее валентинку – с раннего детства. Он из породы милых, ласковых мальчиков: любит маму больше всего на свете, возносит ее на пьедестал. В каком-то смысле это ей льстит. Но она боится, что достаточно одного неверного шага или резкого слова, чтобы полностью разрушить эту духовную связь.

– Спасибо, сынок, – говорит Кейт, целуя его в щеку.

– Не за что, – говорит он и тотчас добавляет: – Что на ужин?

Кейт выключает духовку, достает куриные гужоны и ставит открытку рядом с двумя другими, уже стоящими на кухонном столе. И когда она это делает, у нее ёкает сердце. Джорджия открыла белый конверт, адресованный Роану. Она уже вытащила открытку и собирается ее развернуть.

– Боже мой, Джорджия! Что ты делаешь?

Кейт выхватывает открытку из рук дочери.

– Блин! Зачем так психовать? Это ведь просто открытка.

– Да, но она адресована папе. Нехорошо открывать чужую почту.

– Но ты же открываешь мою!

– Да, но ты же ребенок! И я бы никогда не открыла нечто такое, что выглядит слишком личным. – Она берет конверт, надеясь вставить открытку обратно, но дочь, как это обычно за ней водится, чтобы вытащить открытку, фактически разорвала конверт пополам. – Черт, Джорджия. Не могу поверить, что ты это сделала. О чем ты думала?

Джорджия пожимает плечами.

– Просто хотела посмотреть, кто шлет папе открытки ко Дню святого Валентина.

Кейт грубо сует карточку в нижнюю половину разорванного конверта и засовывает ее в ящик. Ей не хочется сейчас даже думать об этом.

– И ты даже не посмотришь? Чтобы узнать, от кого она?

– Нет. Это меня не касается.

– Как ты можешь так говорить? Он твой муж. Валентинки от посторонних людей – это тебя касается на все сто процентов.

– Вероятно, это кто-то из его пациентов, – говорит Кейт. – То есть вообще не мое дело.

– Но если это кто-то из его пациентов, то откуда, черт возьми, они взяли этот адрес?

– Понятия не имею, – отвечает Кейт. – Может, он был написан на чем-то в его офисе. На табличке, возможно. Я не знаю.

– Гм. – Джорджия театрально приподнимает бровь и прикладывает палец ко рту. – Что ж, тогда желаю хорошего Дня святого Валентина в пабе, – шутливо говорит она. Она относит пустую тарелку к раковине и, как обычно, с громким стуком бросает ее туда. – Есть что-нибудь хорошее вместо пудинга?

Кейт передает ей коробку с пчелиными сотами в шоколаде и поворачивается к кухонному окну, где видит свое лицо. Лицо немолодой женщины, которая выглядит так же, как и она. Женщины, чья жизнь, как ей кажется, движется по темной извилистой тропе туда, где она не хочет быть.

Ее пальцы нащупывают ручку кухонного ящика, того самого, где спрятана загадочная открытка Роана. Она выдвигает ящик, затем снова плотно его закрывает и выходит из комнаты.

* * *

Роан возвращается лишь после восьми. В течение десяти минут, с восьми пяти до восьми пятнадцати, Кейт звонит ему трижды, но он не отвечает на ее звонки. Когда в восемь двадцать он, наконец, появляется в коридоре, потный, почти измученный, то идет прямиком в спальню, чтобы принять в ванной душ.

– Я буду готов через пять минут! – кричит он ей из коридора.

Кейт вздыхает, берет телефон и несколько мгновений бездумно просматривает Facebook. Открытка все еще в ящике стола. Кейт все еще не прочитала ее. В восемь сорок Роан, наконец, готов к походу в паб.

Они прощаются с детьми, которые сидят в своих комнатах и делают уроки или, по крайней мере, набирают на своих ноутбуках что-то, что якобы является их домашним заданием.

Они поднимаются по склону холма в деревню. Воздух влажный и липкий. Кейт чувствует, как ее кожа тоже становится липкой. Она хочет протянуть ладонь, чтобы взять Роана за руку, но не может заставить себя это сделать. В эти дни держаться за руки, обниматься в постели, побуждать к сексу или целоваться в губы похоже на выражение одобрения, подобно звездочкам в таблице вознаграждений – действия, которые неким образом нужно заслужить. Взять Роана за руку – значит, признать, что они все те же, что и двадцать пять – тридцать лет назад, что она по-прежнему чувствует то же самое, что чувствовала к нему тогда, но она не может закрыть глаза на все, что случилось с тех пор. Не может притворяться, будто ничего этого не было.

– Итак, – говорит она, – как прошел день?

– Я хорошо пообедал. Я проследил за тем, чтобы к ужину у меня был аппетит.

– Понятно. И что ты ел на обед?

– Съел большую тарелку пасты со сливочным соусом. Я не ожидал сливочного соуса, но все равно умял его целиком.

– За рабочим столом?

– Нет, нет, я ездил в город.

Его тон легкий, непринужденный. Никаких признаков того, что за его обедом в городе кроется что-то предосудительное, но ее голос по-прежнему звучит нехорошо, слишком пронзительно.

– И что же это было?

– Просто встретился с Джерри. Ты его знаешь. Из Университетского колледжа Лондона, помнишь? Он предложил мне взять в следующем году модуль первого года обучения по детским психозам. Три часа в неделю. Сотня в час.

– Понятно, – говорит она, и странная тьма начинает немного рассеиваться. – Это здорово! И ты согласился?

– Конечно, согласился! Дополнительно 1200 фунтов в месяц. Этих денег хватит на приличный отпуск или даже два. Пару новых диванов, когда мы переедем в новый дом. Плюс мне очень нравится Джерри. И я слопал бесплатную порцию пасты. Так что тут даже не о чем раздумывать.

Роан смотрит на нее и улыбается, и это прекрасная, искренняя улыбка, лишенная какого-либо притворства или скрытых намерений. У него был хороший обед в компании хорошего человека, а теперь у него будет хорошая работа, которая обеспечит им хороший отпуск и покупку нескольких хороших диванов. Кейт невольно улыбается следом.

– Прекрасно, – говорит она. – Правда, прекрасно.

Ее так и тянет спросить, почему Роан ничего не сказал про обед, когда они разговаривали сегодня утром. Она бы сказала ему, что встречается с кем-то за обедом, чтобы поговорить о работе. Но тут же отгоняет эту жалкую мысль прочь, чтобы не портить настроение.

Они достигают вершины холма, и деревня Хэмпстед, как обычно, открывается перед ними, словно сон или съемочная площадка. В переулке с булыжной мостовой они находят паб, где в каминах горит огонь, а на старых волнистых половицах растянулись собаки. И хотя они решили, что не намерены специально

отмечать День святого Валентина, Роан возвращается из бара с бутылкой шампанского и двумя холодными бокалами. Они поднимают тост за его новую работу, и на их лицах танцуют тени, отбрасываемые языками пламени, и рука Роана находит на сиденье ее руку и берет ее в свою. Это так приятно, и Кейт на время забывает об открытке в ящике стола.

10

Сафайр

Мне было двенадцать с половиной, когда я впервые встретила Роана Форса. К этому моменту я резала себя уже более двух лет. Я как раз начала ходить в восьмой класс, и мальчики начали становиться проблемой.

Их внимание, их взгляды, то, о чем они думают и что они говорят обо мне друг другу, – проведя большую часть детства в обществе мальчишек, я знала, что происходит за сценой, – вызывали у меня чувство усталости, опустошенности. Мне очень понравилась идея терапии – побыть в тихой комнате со спокойным мужчиной, тихо разговаривая с ним о себе примерно в течение часа.

Я представляла себе старикана с растрепанными волосами, в очках, может, даже в твидовом пиджаке или с моноклем в глазу. Я не ожидала увидеть крутого чувака с ярко-голубыми глазами, острыми, высокими скулами, длинными худыми ногами в черных джинсах, которые он постоянно скрещивал то так, то этак, пока у меня не закружилась голова. Его руки, когда он хотел что-то описать, двигались, словно странные бледные экзотические птицы. И кроссовки «Peng». Что, согласитесь, круто для немолодого чувака. И запах чистой одежды, мой любимый запах, запах деревьев, травы, облаков и солнечного света.

Нет, конечно, я не заметила всего этого во время нашей первой встречи. Когда я впервые увидела его, я была еще ребенком и просто подумала, как же круто он выглядит, совсем как Доктор Кто из сериала.

Он довольно долго смотрел в блокнот, прежде чем взглянуть на меня.

– Сафайр, – сказал Роан Форс. – Просто невероятно блестящее имя.

– Ага. Спасибо, – сказала я. – Его выбрала моя мама.

Такое имя могла выбрать своему ребенку только девятнадцатилетняя мать, верно?

– Итак, Сафайр, расскажи мне о себе, – попросил он.

– Что именно? – Все знают, что детям нельзя задавать открытые вопросы. Они не умеют отвечать на них.

– Например, расскажи мне о школе. Как там твои дела?

– Хорошо, – сказала я. – У меня все хорошо.

Ну вот, приехали, подумала я, какой-то парень ставит галочки, заполняет анкеты, идет домой, чтобы посмотреть «Игру престолов», съесть киноа или что там приготовит ему жена. Это не сработает, подумала я. Как вдруг он сказал:

– Скажи мне, Сафайр, что самое худшее, самое-самое худшее, что когда-либо случалось с тобой?

И тогда я поняла, что мы к чему-то придем. Я еще не знала, куда, просто знала: это такой момент в моей жизни, когда мне нужно, чтобы кто-то меня спросил, что в ней было самое худшее, а не спрашивал меня, все ли на месте или хочу я на ужин курицу или рыбу.

Я не сразу ответила ему. Я растерялась. Первым пришло в голову очевидное. То, что случилось, когда мне было десять лет. Но я не хотела ему это рассказывать. Пока еще не хотела. Он ждал примерно минуту, когда я ему отвечу. И тогда я сказала:

– Все.

– Все?

– Да. Все. Моя мама умерла до того, как я ее запомнила. И моя бабушка. Мой дедушка был отцом-одиночкой, воспитывал троих детей и внучку, но потом он сильно заболел, и мой дядя был вынужден взять на себя заботу обо всех нас, а он тогда был примерно моего возраста. У него не было нормальной жизни. Никогда. У нас был волнистый попугайчик. Он умер. Соседка, которая причесывала мне волосы, звали ее Джойс… она тоже умерла. Моя любимая учительница начальной школы, мисс Рэймонд, заболела раком и умерла вскоре после того, как вышла замуж. У моего дедушки артрит, и его почти все время мучают боли.

Я резко остановилась, как раз перед самым главным событием из всех этих плохих событий, событием, которое привело меня в его кабинет. Я смотрела на него, в его голубые глаза – как у тех собак, что похожи на волков. Я хотела, чтобы он сказал: «Бедняжка. Неудивительно, что ты все эти годы резала себя».

Но вместо этого он сказал:

– А теперь расскажи мне самое лучшее, что с тобой когда-либо случалось.

Честно говоря, я опешила. Как будто все, что я только что сказала, ничего не значило. Как будто он даже не слушал меня.

В первый миг я даже не хотела ему отвечать. Я просто сидела. Но тут кое-что внезапно пришло мне в голову. В начальной школе была девочка по имени Лекси. Она была всеобщая любимица, очень добрая. Все учителя любили ее, и все дети тоже. Она жила в красивом доме на красивой улице, с хрустальными люстрами и бархатными диванами и всегда приглашала на свои дни рождения весь класс, даже меня, хотя я на самом деле не была в числе ее подружек.

Однажды у нее была вечеринка с животными. Приехал старик с белыми волосами, в фургоне, полном ящиков и клеток, внутри них – по животному, и нам разрешили потрогать их. Он привез шиншиллу, змею, насекомых палочников, полевку, хорька, птиц, паука-птицееда. Еще он привез сову-сипуху. Мальчика. Его звали Гарри.

Мужчина с белыми волосами оглядел всех детей, увидел меня и сказал:

– Вот ты, например, не хочешь подержать Гарри?

Он вывел меня вперед и дал большую кожаную перчатку, а затем посадил сову Гарри на мою протянутую руку, и я стояла там, а Гарри повернул свою большую голову и посмотрел на меня, и я посмотрела на него, и мое сердце просто взорвалось чем-то теплым, бархатистым, глубоким и умиротворяющим. Как будто я любила его, любила эту сову. Что было просто глупо, потому что я его не знала, а он был совой.

Так что я посмотрела на Роана Форса и сказала:

– Я держала сову на дне рождения Лекси, когда мне было девять лет.

И тогда он сказал:

– Обожаю сов. Они удивительные существа.

Я кивнула.

– Что ты чувствовала, когда держала сову? – спросил он.

– Мне казалось, что я его люблю. Этого Гарри, – сказала я.

Он что-то записал.

– Кого еще ты любишь? – спросил он.

Я подумала: хм, разве мы не должны говорить о совах?

– Я люблю своего дедушку, – сказала я. – Люблю своих дядюшек. Люблю своих племянниц.

– А друзей?

– Я не люблю своих друзей.

– На что похожа любовь?

– Она похожа на… это похоже на потребность.

– На потребность?

– Да, вы любите кого-то, потому что он дает вам то, что вам нужно.

– А если этот человек перестанет давать тебе то, что тебе нужно?

– Тогда это не любовь. Это что-то другое.

– А сова?

Я опешила.

– Что?

– Сова. Ты сказала, тебе казалось, что ты любишь сову.

– Да.

– Но сова тебе не нужна.

– Нет. Я просто любила Гарри.

– Это было похоже на то, как ты любишь своего дедушку?

– Нет, – ответила я. – Это казалось… чистым.

Я поняла, что мои слова звучат неправильно, и поправила себя.

– Не подумайте, что в любви к дедушке есть что-то нечистое. Но я тревожусь о нем. Я боюсь, что он умрет. Боюсь, что он не сможет дать мне то, что мне нужно. И мне от этого плохо. Я не чувствовала себя плохо из-за совы. Наоборот, мне было только хорошо.

– Как ты думаешь, оба типа любви одинаковы?

– Да, – кивнула я. – Я так думаю.

Затем он умолк, посмотрел на меня и улыбнулся. Я не ожидала, что он улыбнется. Я думала, что его контракт запрещает ему улыбаться во время сеанса терапии. Но он улыбнулся. Возможно, потому, что мы только что говорили об этом, не знаю, но я вновь ощутила то мягкое, бархатистое чувство прикосновения к сове. Так что да, возможно, Роан Форс был нужен мне еще до того, как я это поняла.

* * *

Я впервые увидела Роана вне терапевтического сеанса в Портмане примерно через год или около того после нашей первой встречи. Я шла из школы домой, а он как раз выходил из здания школы напротив моей квартиры, где учился один из его пациентов. Он был весь такой щеголеватый, с портфелем, в голубой рубашке. Он разговаривал с другим мужчиной, тоже щеголеватым и портфельчатым. Затем они разошлись, он повернулся, чтобы перейти улицу, и увидел, что я смотрю на него.

Я подумала, он просто помашет рукой и пойдет дальше. Но я ошиблась. Он перешел дорогу и остановился передо мной.

– Привет, – сказал он. Он стоял, засунув руки в карманы, и слегка покачивался на пятках. Не знаю, почему, но из-за этого он напомнил мне учителя, и у меня возникло то самое чувство «фу-у-у-у», которое возникает, когда вы видите учителя вне школы, как будто он голый или что-то в этом роде. Но в то же время мне было очень приятно видеть Роана.

– Привет, – сказала я.

Мне стало интересно, как я выгляжу в его глазах? В тот день у меня были накладные ресницы. Это было в начале 2016 года – у всех были накладные ресницы. В то время я не думала, что выгляжу глупо, но, вероятно, так оно и было.

– Закончились уроки в школе? – спросил он.

– Да. Иду домой. – Сказав это, я посмотрела на высотку, на восьмой этаж. Я моментально узнавала с земли свой этаж по уродливым красно-зеленым полосатым занавескам в окне соседней квартиры номер тридцать пять. Своего рода отличительный знак.

– Живешь там, наверху? – спросил Роан.

– Ага, – сказала я. – Там, наверху.

– Готов поспорить, оттуда красивый вид.

Я пожала плечами. Лично я с радостью отказалась бы от вида ради дома с большим количеством комнат.

– Итак, наша следующая встреча?

– В среду, – сказала я.

– В семнадцать тридцать?

– Ага.

– Значит, увидимся в среду.

– Да. Увидимся в среду.

Я направилась к входу в дом. Открывая дверь, я обернулась, потому что почему-то ожидала, что Роан все еще будет стоять и наблюдать за мной. Но он не наблюдал. Он ушел.

* * *

Роан и его семья переехали в квартиру недалеко от Портман-центра в январе прошлого года. Откуда я это знаю? Потому что я видела их буквально в тот день, когда они въехали в новый дом. Я шла в деревню по тем большим улицам, которые ведут от моего микрорайона в гору, по улицам, где полно особняков, машин «Тесла» и ворот с электронными замками.

Во втором ряду был припаркован фургон с включенной аварийкой, и несколько молодых парней разгружали ящики, лампы, стулья и прочее. Дверь в дом была распахнута настежь, а мне всегда нравилось заглядывать в открытые двери, и я увидела женщину – худую, в джинсах, розовом джемпере и кроссовках. Тонкие светлые волосы до плеч. И еще там был мальчик, подросток, и они вносили вещи в дверь в конце коридора, а потом им навстречу появился мужчина, и это был он. Роан. В толстовке и джинсах. Он подошел к задней части фургона и что-то сказал одному из парней внутри, и я уже было пошла дальше, как у меня внезапно возникло желание дать ему знать, что я его видела. Я уже собралась перейти улицу и поздороваться, когда появилась женщина в розовом джемпере. Тогда я не знала точно, что она его жена, но, с другой стороны, кто еще это мог быть?

Они что-то сказали друг другу, а затем оба скрылись в фургоне. У меня перехватило дыхание, и я пошла своей дорогой. Но прежде чем пойти дальше, я заметила номер на их входной двери: семнадцать.

Я ни разу не сказала Роану, что видела, как он переезжал в свой новый дом. Мы не говорили о таких вещах. Я даже не задумывалась о том, где он живет или какова его жизнь за пределами нашей комнаты в Портман-центре. Во время следующего сеанса, дня через четыре после его переезда, мы сразу же приступили к нашим обычным делам. Он не сказал мне, что переехал, и я не сказала ему, что знаю об этом.

Затем, примерно через пару недель, Роан сказал, что, по его мнению, мы скоро сможем прекратить наши сеансы. Он сказал это так, будто мне приятно это слышать. Как будто это то, чего мне очень хочется, как будто это была школа или уроки плавания. Он сказал, что, по его мнению, еще два или три сеанса должны «привести нас к тому, к чему мы должны прийти».

Странно, знаете ли, потому что я не дурочка, и все же я была ею, раз я думала, что наши сеансы будут продолжаться до тех пор, пока я не захочу остановиться. Или, может, даже бесконечно.

– Откуда вы знаете? – спросила я. – Откуда вы знаете, к чему мы должны прийти?

Он улыбнулся своей странной, ленивой улыбкой, как будто его это не беспокоит, мол: гори все синим пламенем!

– Это моя работа, Сафайр.

– Да, но разве я не имею права голоса?

– Конечно, имеешь. Конечно. Что бы ты сказала?

Я была вынуждена остановиться и задуматься над своим ответом, потому что я не совсем понимала, чего хочу. На неком глубинном уровне мне по-прежнему требовались еженедельные рамки часа, проведенного в кабинете Роана. Привычный вид подвесного потолка с тремя галогеновыми лампами, одной болезненно-желтой и двумя ярко-белыми. Окно с двойным остеклением с видом на сломанную ветку дерева, которая зимними вечерами, когда дул ветер, раскачивалась взад-вперед, рассекая тени сквозь натриевый свет уличного фонаря. Два красных стула, обитых мягкой тканью. Низкий деревянный столик с салфетками и маленькая белая лампа. Коричневый ковер с белым засохшим пятном у изножья кресла. Приглушенные звуки проходящих мимо двери людей. Я хотела и дальше каждую неделю видеть ноги Роана, в кожаных туфлях на шнурках, в белых кроссовках, в дурацких сандалиях на липучках или в зимних ботинках.

Мне хотелось слышать его низкий размеренный голос, задающий вопросы, его легкое покашливание, пока он ждал моего ответа. А затем, после сеанса, я хотела пройти мимо театральной студии, мимо станции метро, мимо фермерского рынка, мимо театра, чувствуя, как под моими ногами меняется текстура времени года: скользкие, мокрые листья, раскаленная от солнца брусчатка, чавкающий снег, грязные лужи, что угодно. Все эти долгие месяцы, а теперь и годы, с Роаном Форсом, как они могли закончиться? Это все равно что сказать мне, что дня и ночи больше не будет, что в сутках больше не двадцать четыре часа. Это было так фундаментально.

– Я бы сказала, что я еще не готова, – в конце концов промямлила я.

– Как, по-твоему, в чем именно ты не готова?

Я пожала плечами и сказала какую-то хрень о том, что меня иногда по-прежнему тянет причинить себе вред, хотя такого желания у меня не возникало вот уже более года.

Он посмотрел на меня так, словно видел меня насквозь.

– Хорошо, – сказал он. – Пусть будут еще две или три недели. Но, честно говоря, я не думаю, что в этом есть необходимость. Ты просто чудо, Сафайр. Мы проделали невероятную работу. Ты должна быть довольна.

Я все еще не рассказала ему о том плохом, что случилось со мной, когда я была в пятом классе. Нет, я хотела сказать ему, чтобы он заткнулся. Я хотела сказать: когда мне было десять лет, кто-то сделал со мной что-то невыносимое, а вы говорите со мной без перерыва более трех лет и до сих пор этого не знаете, так как же вы можете говорить, что я должна быть довольна? Меня так и подмывало сказать ему: вы дерьмовый психолог. Я много чего хотела сказать. Но я не сказала. Я просто ушла.

Через три недели Роан Форс закончил наши сеансы. Он попытался сделать из этого большой, счастливый момент.

Я сделала вид, будто все хорошо.

Но это было не хорошо.

Это было далеко не хорошо.

11

Я говорила вам, что я хорошо обученный убийца? Что я воин-ниндзя?

Ну, вообще-то, не совсем. Но у меня черный пояс по тхэквондо. Прямо через дорогу от меня, в спорткомплексе, есть школа боевых искусств. Профессионалы называют ее словом «додзё», и я хожу туда с шести лет. Так что вы наверняка решите, что я могла бы в два счета защитить себя от тощего шестиклассника с похотливыми руками и нездоровым складом ума. Но нет, я была жалкой, я позволила этому случиться, а потом годами наказывала себя за это, а тем временем Харрисон Джон спокойно перешел в среднюю школу.

Он мог бы даже подумать, что мне это нравилось, потому что я была такой пассивной. Но мне не нравилось. Каждую неделю на занятиях по тхэквондо я пинаю, хрюкаю, потею и представляю, что каждый мой удар обрушивается на голову Харрисона. Я мысленно рисую стены, заляпанные его кровью, ошметками его крошечных, с горошину, мозгов, осколками его черепа.

Но в школе, когда я была младше, я просто позволила этому случиться. Я позволила этому случиться трижды.

Я все еще хожу на тхэквондо раз в неделю. Вообще-то это просто привычка, но за последние несколько месяцев мои навыки мне очень пригодились. Я вовсе не коротышка, мой рост пять футов восемь дюймов, а с распущенными волосами я выгляжу еще выше. Я занимаю пространство в окружающем мире. Люди замечают меня. При этом у меня легкий, почти беззвучный шаг. Если мне нужно, я умею двигаться, как тень. Я натягиваю на голову капюшон, опускаю подбородок, но смотрю вверх. При желании я могла бы запросто пройти по улице мимо родного дяди, и он бы даже не заметил меня.

Первая неделя, когда у меня не было сеанса с Роаном, прошла нормально. Раньше я иногда пропускала сеансы, когда болела, или он был в отпуске, или что-то еще. Но как только впереди замаячила третья неделя, я внезапно ощутила внизу живота эту холодную капельку, ледяную воду. Я представила Роана: вот он сидит в нашей комнате для сеансов на наших обтянутых тканью стульях с кем-то еще, с новым ребенком с его или ее дурацкими проблемами, и вынужден притворяться, будто их проблемы интересуют его так же, как и мои.

Однажды я шла домой из школы. Было примерно двадцать пять минут шестого, и я вспомнила, что именно в это время я обычно шла в Портман-центр на сеанс с Роаном.

Внезапно я поймала себя на том, что сворачиваю направо, а не налево, что шагаю по знакомым улицам в сторону Портман-центра. Солнце уже садилось, а на мне поверх школьной формы была большая черная куртка «Пуффа», черные колготки, черные туфли, волосы зачесаны назад, капюшон поднят. Я прокралась между деревьями на стоянке и посмотрела на его окно.

Знаете, как долго я там стояла?

Я простояла там почти час.

Был март, и было холодно. Очень, очень холодно.

Время от времени я видела внутри намеки на движение, потом во всех кабинетах загорелся свет, и я поняла, что наступил вечер. От холода у меня стучали зубы, но я подумала, что простояла там слишком долго, и не могу уйти сейчас, не могу уйти, пока не увижу его.

Наконец, минут через двадцать, появился Роан. В длинном черном пальто и трикотажной шапке. Даже издалека я видела его дыхание, размытое желтое облачко в свете уличного фонаря. Затем он улыбнулся, и я на миг подумала, что он увидел меня, но я ошиблась. Он улыбался кому-то другому, девушке, шедшей за ним следом. На вид ей было лет восемнадцать-девятнадцать. Он придержал для нее дверь, затем девушка закурила, и я увидела, как они стали курить одну сигарету на двоих. Я еще подумала: нельзя курить одну сигарету с тем, кого не знаешь по-настоящему. Еще я подумала, что ни разу не видела, чтобы Роан курил, ни разу за все годы, что я была его пациенткой.

Выкурив сигарету, они вернулись в здание, Роан снова придержал для нее дверь и, входя за ней, как будто к ней прижался. Я видела, как она повернулась и улыбнулась ему.

Я пришла в Портман-центр, чтобы удовлетворить какую-то странную потребность снова увидеть его. И я дождалась его и увидела в нем другого человека: курящего, стоящего слишком близко к молодым женщинам.

Но и этого мне было мало. Во всяком случае, мой аппетит к встречам с ним усилился. Я простояла на улице еще полчаса, пока автостоянка не начала пустеть. Входная дверь постоянно открывалась и закрывалась: сотрудники

расходились по домам, весело прощались, предлагали пропустить по стаканчику, жаловались на холод на улице. Я узнала некоторых из них – секретарш, администраторов, медсестер, – с которыми имела дело на протяжении многих лет. А потом вновь появился Роан. Он снова был с той девушкой. Он снова галантно придержал для нее дверь, и она, улыбаясь, нырнула под его протянутую руку, как в каком-то танце. Я сделала фото на телефон. Можете назвать меня странной, но мне казалось, что я должна на досуге поразмыслить над этим в уединении своей комнаты. Мне нужно было проанализировать язык тела этой девушки, улыбку Роана и понять, что происходит и что, собственно, я увидела.

Я почти ожидала, что они пойдут вместе, но нет. Они лишь слегка обнялись, что-то вроде полуобъятия, в котором соприкоснулись только их плечи и щеки, затем она закинула сумку на плечо и зашагала в сторону станции метро. Роан мгновение постоял, вытащил телефон и несколько раз провел пальцем по экрану. В свете экрана я увидела его лицо. Роан выглядел старым. Но затем его лицо просветлело, он убрал телефон в карман, повернулся и догнал девушку. Теперь они были довольно близко ко мне, и я услышала, как он окликнул ее.

– Подожди, Анна, подожди, – крикнул он.

Она остановилась и обернулась, и я увидела в ее ухе множество блестящих сережек.

– У меня есть полчаса, – сказал он. – Если ты не торопишься домой, может, выпьем кофе? Или что-нибудь покрепче?

Он откровенно нервничал, как идиот.

Но девушка улыбнулась и кивнула.

– Конечно, – сказала она. – Конечно. Я никуда не спешу.

– Отлично, – сказал Роан. – Как насчет нового заведения, что недавно открылось напротив метро?

– Только «за», – ответила Анна.

Они зашагали вперед, в холодной темноте их шаги звенели по асфальту. Они вышли на улицу, а я осталась стоять, промерзшая до костей, невидимая среди деревьев.

12

Оуэн

В окно вестибюля на третьем этаже Оуэн наблюдает, как с тяжелого серого январского неба лениво падают хлопья снега. Он ненавидит лондонский снег – тот многое обещает, но не дает ничего, кроме коварных скользких тротуаров, опоздавших поездов и хаоса.

Оуэн преподает информатику шестнадцати-восемнадцатилетним студентам в колледже Илинга. Он преподает здесь уже восемь лет. Но в данный момент он никого не учит. В данный момент он ожидает вызова в кабинет директора по некой неозвученной, но довольно зловещей причине. От такой перспективы его желудок неприятно урчит. Наконец, его вызывает секретарша директора.

– Джед готов принять вас, – говорит она, отложив в сторону телефон.

В кабинете Джеда Оуэн с удивлением видит Холли МакКинли, начальницу отдела кадров, и Клэрис Девер, школьного психолога. Атмосфера тяжелая и мутная. Клэрис не смотрит на него, когда он входит, а ведь он всегда воспринимал ее как друга или, по крайней мере, как человека, который иногда с ним разговаривает.

Холли встает из-за стола.

– Спасибо, что зашли к нам, Оуэн.

Она протягивает руку, и Оуэн пожимает ее. Чувствуя, что его ладонь влажная, он подавляет желание извиниться.

– Пожалуйста, присаживайтесь. – Джед указывает на пустой стул перед ними.

Оуэн садится. Он смотрит на свои туфли. Они совсем новые, он их купил только вчера, они ему не жмут. Это не его обычный стиль. Туфли из коричневой кожи, со слегка заостренными мысами, модные. Он все ожидает, что кто-то обратит на них внимание, скажет, мол, какие красивые туфли, но пока их никто не замечает. Поэтому он смотрит на них и недоумевает, зачем он их купил.

– Боюсь, – начинает Клэрис, – к нам поступила жалоба. На самом деле, даже две. Обе касаются одного и того же инцидента.

Оуэн слегка прищуривается. Его мозг судорожно пролистывает все, что происходило на работе за последние несколько месяцев, в поисках того, что можно было бы назвать инцидентом, но ничего не находит.

Клэрис бросает взгляд на свои бумаги.

– Четырнадцатого декабря прошлого года, на рождественской вечеринке?

Оуэн снова щурится. Рождественская вечеринка. Он не собирался идти на нее. Два предыдущих года он на ней не был. Штатный преподаватель на студенческой вечеринке – это золотая середина между строгим соглядатаем и чрезмерно активным участником. Но он уступил давлению двух девушек со второго курса, Моники и Мейзи.

– Да ладно, сэр, – сказали они (они настаивали на том, чтобы называть его «сэр», хотя все остальные называли его Оуэном). – Мы хотим посмотреть, как вы танцуете.

В этом, по сути, сексуальном домогательстве не было ничего нового. Такое происходило постоянно: Оуэн был человек тихий, не имел привычки распространяться о своей личной жизни. Склонный к застенчивости, он привык проводить четкую границу между своей профессиональной и личной жизнью. Неудивительно, что некоторые студенты пытались сломать эту линию обороны. Обычно это были девушки, и, как правило, они использовали для этого свою сексуальность.

Но они достали его, Моника и Мейзи, – «не будьте таким скучным, сэр, жизнь слишком коротка», – и в конце концов он капитулировал.

И остался на вечеринке до конца. Он пил. Он танцевал. Он вспотел – «Фу, сэр, да вы весь мокрый от пота!» – вернулся домой поздно вечером на метро, чувствуя странную смесь триумфа и стыда, и проснулся на следующее утро с головой, похожей на мокрое кухонное полотенце. Но, подумав, Оуэн решил, что неплохо оттянулся. Это был вечер, достойный своих последствий.

– Две студентки утверждают, что вы делали, – Клэрис снова смотрит на свои бумаги, – «неуместные комментарии относительно их сексуальных предпочтений».

Оуэн слегка покачивается на стуле.

– Я делал?..

Клэрис перебивает его.

– Что вы слишком подробно описали свои собственные сексуальные предпочтения. Что вы прикасались к ним ненадлежащим образом.

– Я…

– Прикасались к их плечам и волосам. Похоже, вы также намеренно смахнули немного пота со лба и волос на лица девушек.

– Нет! Я…

– Не только это, Оуэн, там также говорится о вашей манере общения с девушками на уроках, о вашем пренебрежительном тоне.

Руки Оуэна сжаты в кулаки, они лежат на коленях. Он смотрит на Клэрис.

– Нет. Абсолютно нет. Я разговариваю со всеми своими учениками одинаково. На сто процентов. Что касается пота, это была случайность! Я танцевал, крутился, с моей головы слетели капли пота! Это было абсолютно неумышленно! А те

девушки, – я точно знаю, о каких девушках вы говорите, – они приставали ко мне, месяцами подначивали меня.

– Я боюсь, Оуэн, нам придется начать расследование по этому поводу. На данный момент мы не можем поверить вам на слово. Упомянутые девушки утверждают, что и другие студенты готовы засвидетельствовать ваш сексизм на занятиях. И готовы рассказать о вашем поведении на рождественской вечеринке.

В голове Оуэна образуется плотный сгусток ярости. Ему хочется вырвать его оттуда, швырнуть им в дисциплинарную комиссию, особенно в Клэрис, которая смотрит на него со странным сочетанием жалости и смущения.

– На рождественской вечеринке не было никакого «поведения». Я не позволяю себе никакого «поведения». Я всегда, в любой ситуации веду себя профессионально. В учебной аудитории и вне ее.

– Что ж, Оуэн, мне очень жаль, но мы начинаем расследование, и, пока оно будет продолжаться, боюсь, мы будем вынуждены отстранить вас от работы.

– Что?!

– Мы не можем провести объективное расследование, пока вы находитесь в одной классной комнате с теми, кто вас обвиняет. Таковы правила. Мне очень, очень жаль.

Эти слова произнес Джед, на лице которого, надо отдать ему должное, по крайней мере, было написано искреннее сочувствие. В основном потому, подозревал Оуэн, что теперь ему придется переделать все расписание, чтобы все уроки были замещены, что, с учетом того, что коллега Оуэна, Элли Брюэр, собиралась уйти в декретный отпуск, было весьма проблематично.

– Итак, что… я хотел сказать, как долго?

– Мы начнем с двух недель, а потом свяжемся с вами. Но я сомневаюсь, что это продлится дольше месяца. Если, конечно, исход будет в вашу пользу.

– То есть я просто…

– Да, заберите из кабинета все, что вам нужно. Холли будет ждать вас в фойе, чтобы попрощаться.

Оуэн закрывает глаза, затем медленно их открывает. Его намерены вывести вон. А ведь он не сделал ничего плохого. Его так и подмывает схватить стул, на котором он сидит, и швырнуть его в окно за головой Джеда, посмотреть, как тот пробьет дыру в стекле, увидеть осколки, сверкающие на свежевыпавшем снегу на автостоянке внизу. Он хочет войти в класс 6D, где, как он знает, в данный момент сидят Моника и Мейзи на лекции по микросервисам, встать перед ними во весь рост и крикнуть им в их глупые лица. Вместо этого, чувствуя, что вся его ярость скопилась в животе, он медленно поднимается и выходит из кабинета.

* * *

Час спустя он выходит из метро на Финчли-роуд. Снег уже перестал идти. Рюкзак на его спине весит, наверное, тонну. Теперь в нем лежит содержимое его стола, в том числе лампа из вулканического стекла. По идее, ее следовало оставить на работе, ведь он вернется через пару недель, но что-то заставило Оуэна взять ее, тем более что тихий голос нашептывал: «А вдруг они правы?»

От Финчли-роуд к его улице ведет небольшой, но очень крутой холм. На вершине этого холма есть две частные школы. Шагая вверх, он понимает, что сейчас полчетвертого, конец школьного дня. Следовательно, холм кишит толпами детей. Матери неторопливо идут следом, с крошечными рюкзаками и яркими бутылочками с водой. Хотя снег на земле превратился в кашу, он все еще толстым слоем лежит на автомобильных капотах. Дети собирают его пригоршнями, лепят снежки и кидаются ими друг в друга. Они носятся друг за другом и путаются у Оуэна под ногами. Он почти теряет равновесие и, чтобы остаться в вертикальном положении, хватается за стену.

Матери не обращают внимания. Оуэн ненавидит этих матерей, этих школьных мамаш с их жуткими легинсами и растрепанными волосами, их толстыми «пуховиками» с капюшонами из кроличьего меха, их поблекшим загаром после зимнего отпуска и кроссовками только что из коробки. Он задается вопросом, о чем думают эти женщины, когда их дети уже в постели и они одни держат в руках гигантские, размером с аквариум бокалы с вином? Что они собой

представляют, когда они не в зале для занятий фитнесом и не забирают детей из школы? Где их место в масштабах целого человечества? Оуэн не может себе этого представить. С другой стороны, все женщины для него – вечная загадка, даже самые обычные.

Оуэн живет в огромной квартире на первом этаже большого дома на одной из самых красивых улиц Хэмпстеда. К дому ведет подъездная дорожка, неухоженная и неиспользуемая. Если она и нужна, то лишь как место для хранения мусорных баков и тех вещей, которые другие жители дома не хотят видеть в своих квартирах. На лужайке перед домом уже почти год стоит старое кресло. Никто не жалуется, потому что никому нет до него дела. Это здание, полное стариков и нелюдимых жильцов.

Квартира принадлежит его родной тете, Тесси. Это самая большая квартира в доме, с самыми высокими потолками, самыми высокими окнами, массивными четырехстворчатыми дверями с веерообразными окнами над ними, которых нет на других этажах дома. Спальня Оуэна находится в дальнем левом углу квартиры. Ее окно выходит на запущенный общий сад, за которым никто не ухаживает, и на пустырь за каменной стеной, где когда-то стоял величественный особняк. Этот дом – инородное тело на улице глянцевых новых многоквартирных зданий и роскошных особняков с видеокамерами на воротах. Собственник дома – загадочный шотландец, известный как мистер Дж., который, похоже, умыл руки, сняв с себя всю ответственность за содержание этого некогда красивого здания. Тесси пыталась написать ему, но не получила ответа.

Тесси в настоящее время отсутствует. У нее есть дом в Тоскане, такой же убитый, как и ее лондонская квартира, и она порой подолгу живет там. Уезжая, она запирает все двери квартиры, кроме ванной и кухни. По ее словам, это нужно, чтобы уберечь ее вещи на случай кражи со взломом, но Оуэн знает истинную причину: она уверена, что он будет копаться в ее вещах. Даже когда Тесси здесь, она запирает за собой двери, а Оуэн никогда, даже в особых случаях, не перешагивал порог ее элегантной гостиной с высокими потолками.

Оуэн входит в квартиру и вдыхает знакомый, слегка похожий на туалетный, запах дешевого кондиционера для белья, которым пользуется во время стирки Тесси, застарелую вонь подушек и пыльных штор, сладковатый запах давно остывшего пепла в каминной решетке.

В это самое унылое время года уже начинает темнеть, и Оуэн включает свет, щелкнув пожелтевшими бакелитовыми выключателями, которые тревожно шипят под его пальцем. Пыльные лампочки излучают тоскливый желтоватый свет. В квартире собачий холод. В комнате Оуэна есть электрообогреватель. Тесси не включает обогрев, когда ее нет дома, и, даже когда она есть, редко пользуется отоплением, поэтому у него есть переносной обогреватель, спрятанный за шкафом. Если бы Тесси обнаружила его, она наверняка заставила бы Оуэна от него избавиться, будучи убеждена, что ей пришлось бы оплачивать разорительные счета за электричество.

Он бросает рюкзак на кровать и тяжело плюхается в маленькое кресло, обтянутое тканью в цветочек. Тянется к обогревателю и включает его в розетку. Из-за высоты потолка комната нагревается лишь спустя какое-то время, но как только становится тепло, он снимает свои новые туфли, и они исчезают под кроватью. Он больше не хочет их видеть, не говоря уж о том, чтобы их носить. По какой-то необъяснимой причине Оуэн считает, что в недавних событиях виноваты именно эти туфли. Они превратили его в того, кем он не является: человека, склонного к неуместным сексуальным комментариям в адрес своих студенток, человека, которого следует изгнать из учебного заведения.

Он стягивает свитер и проводит руками по заряженным статическим электричеством волосам. Волосы у Оуэна тонкие. Он пытается зачесывать их на боковой пробор, но они всегда распадаются на средний пробор, и в итоге он выглядит так, будто сознательно выбрал такую прическу, как тот высокий парень из сериала «Офис». Не то чтобы Оуэн выглядел как тот парень из «Офиса». Оуэн намного симпатичней его. Никто никогда не говорил ему, что он симпатичный. Но ведь никто никогда не говорил ему, что он урод.

Оуэн смотрит в окно и видит, как в смолисто-буром небе снаружи крутится новый снежный вихрь. Каждая снежинка мелькает в свете уличного фонаря. Оуэн с тревогой думает о том, что завтра будет снег по колено, что утром он с трудом спустится с холма к станции метро, хватаясь за машины и стены, чтобы не упасть. А потом он вспоминает вчерашнее. «Инцидент» в колледже. Его отстранили от работы. Вещи из его кабинета в настоящее время лежат в сумке на его кровати. Завтра ему некуда идти. В холодильнике есть еда, ее хватит на двое суток. Снег может падать сколько угодно, ему до этого нет дела.

Вечером того же дня Оуэн открывает ноутбук и набирает в поисковике «ложные обвинения в сексуальных домогательствах». Он ищет в интернете совет, но вместо этого читает в «Гардиан» статью о том, как ложные обвинения в изнасиловании отразились на разных мужчинах. Обвинения, выдвинутые против него, бледнеют по сравнению с тем, в чем обвинили этих людей. Эти истории сначала шокируют его, но затем шок переходит в некое оцепенение, ощущение, что он всегда знал такое о женщинах. Конечно. Женщины лгут. Женщины ненавидят мужчин и хотят причинить им страдания. А что может быть проще, чем оскорбить мужчину обвинением в изнасиловании?

Оуэн закрывает глаза и большим и указательным пальцами зажимает переносицу, чувствуя, как подавленная ярость от предыдущей встречи начинает подниматься по его телу, словно ртуть. Он думает о Монике и Мейзи. Обе далеко не красавицы, так себе, но ведут себя так, будто он должен быть им по гроб жизни благодарен за то извращенное внимание, которым они его одаривают. Мейзи на самом деле толстая. (Хотя, говоря современным языком, без сомнения, считает себя «фигуристой». По мнению Оуэна, «фигура» существует только там, где есть талия, а не там, где бока выпирают наружу.)

Затем он вспоминает вчерашний вечер, ту глупую девушку, которая вышла из метро одновременно с ним, одновременно с ним пересекла Финчли-роуд, свернула с Финчли-роуд в том же месте, что и он, а затем повела себя так, будто он собирался наброситься на нее только потому, что посмел жить на той же улице, что и она. Он видел, как она достала телефон и кому-то позвонила, слышал ее задыхающийся голос, видел, как она каждые несколько минут крутила головой. Она искренне думала, что он сознательно преследует ее. Как будто он проявлял к ней интерес. Она была всего лишь девочкой-подростком. Оуэна не интересуют дети. Ему нравятся настоящие женщины, зрелые женщины, его ровесницы, женщины, которые имеют хорошую работу, носят красивую одежду и не одеваются как бездомные бродяги, а ведь именно так сейчас выглядят девочки-подростки.

Мать девочки ждала ее, стояла в дверном проеме с искаженным от тревоги лицом, но дочь вернулась живой и здоровой.

«Здесь нет гадких мужчин, дорогая».

Чувствуя, как ногти впиваются в ладонь, Оуэн разжимает пальцы. Смотрит на красные полумесяцы на коже и рассеянно трет их большим пальцем. Затем снова обращает внимание на экран и прокручивает статью до конца, к комментариям. Оуэн обожает комментарии, темные места, где живут замшелые тролли. Ему нравится видеть, как низко падают некоторые люди, чтобы получить выброс эндорфина. Да он и сам иногда это делал. В то время это казалось своего рода спортом, хотя потом он испытывал жалкое раскаяние. Что, собственно, он внес в бурлящий суп человечества? Вообще ничего.

В разделе комментариев к этой статье присутствуют несколько разгневанных мужчин, но один особенно привлекает внимание Оуэна. Его никнейм – YourLoss, он красноречив и, похоже, хорошо информирован. Он сам через это прошел и пишет вот что:

«Моя коллега, которая, кстати сказать, была далеко не картина маслом, решила, что мои попытки дать ей совет относительно ее личной жизни (а я могу сказать вам, что все, о чем эта женщина когда-либо говорила, было ее личной жизнью; я был заперт в кабинете с ней и еще одной женщиной, которая весь день говорила о мужчинах) на самом деле были не чем иным, как сексуальными прелюдиями. И, нет, конечно, она не сказала этого мне в лицо. Конечно, нет, ведь это было бы цивилизованно и человечно. Нет. Сразу дернула в отдел кадров. Там ей предложили консультации психолога.

Мне же не предложили ничего, кроме недобрых взглядов и домыслов о моей виновности. Они ничего не доказали, и я сохранил свою работу. Но эта женщина попросила, чтобы ее перевели в другое место, а ее коллега поменялась кабинетом с кем-то на другой стороне лестничной площадки, и ее заменил мужчина. Этот бородатый тип с презрением смотрит на меня. Он наливает в кофе соевое молоко и называет гомосексуалистов ЛГБТАБВГД. Он в своей жизни явно был радикализирован безудержными феминацистами. Глупо, конечно, но я искренне верю в права женщин. Я считаю, что женщины должны зарабатывать столько же, сколько и мужчины (при условии, что они работают так же много, как мужчины).

Я считаю, пусть они берут отпуск, чтобы завести детей, а затем возвращаются (при условии, что они не будут отпрашиваться, чтобы увидеть маленькую Салли в рождественском спектакле, оставив всех остальных коллег по колено в дерьме). Я считаю, что они должны иметь право шляться по ночам, напиваться и

носить короткие юбки без риска подвергнуться изнасилованию. Так что да, я тоже феминист. Но я еще и реалист. Маятник качнулся слишком далеко. Пора бросить в маятник гаечный ключ, остановить его движение, оттолкнуть чуть назад в нашу сторону. Неудивительно, что в наши дни мужчины хотят быть женщинами. Какой мальчик-подросток, видя, что ждет его в будущем, не предпочел бы быть женщиной, чтобы иметь все права и защиту? А кто защищает мужчин? Никто. На нас всем наплевать. Пора, братцы, пора. Настало время…»

Комментарий YourLoss на этом заканчивается, обрывается на самом интересном месте. Время для чего? – задается вопросом Оуэн. Действительно, время для чего?

Оуэн идет в кухню, чтобы налить себе чашку чая. Он стоит спиной к столу и ждет, когда закипит чайник. Кафельный пол под его ногами – Оуэн в одних носках – ледяной. Над кухонным окном повисла огромная занавеска густой паутины. Раньше к Тесси приходила уборщица, но она умерла три года назад, и замена ей так и не нашлась. Оуэн делает для поддержания чистоты все, что в его силах, но это не включает в себя балансирование на стремянке с метелкой из перьев.

В ожидании чая он думает о посте пользователя с ником YourLoss и ощущает странное возбуждение. Ощущает связь с автором: мужчина того же возраста, что и он, живет где-то к югу от Лондона и переживает последствия ошибочного и несправедливого обвинения в сексуальных домогательствах со стороны какой-то подлой бабы. Чайник выключается, и Оуэн заваривает чай. Он открывает шкаф и достает пачку любимого итальянского печенья Тесси. Она вернется не раньше чем через неделю. К тому времени печенье уже испортится. Она, вероятно, устроит из-за этого небольшой скандал, но Оуэну все равно. У него сейчас есть дела поважнее, чем бесценное печенье Тесси.

* * *

Рано утром во вторник, через пять дней после того, как его отстранили от работы, у двери Оуэна появляется мужчина.

Он высокий, как минимум шесть футов четыре дюйма. Он возвышается над Оуэном, и Оуэн моментально чувствует исходящую от него угрозу.

– Доброе утро, сэр, я – инспектор полиции Роберт Бёрдетт. Я расследую инцидент, имевший место вчера вечером.

Инцидент. Снова это слово.

– Вы, мистер Оуэн… – Полицейский сверяется с записью в блокноте. – Пик?

– Да.

– Отлично, спасибо. Да. Вчера вечером молодая девушка, девушка-подросток, подверглась сексуальному нападению. Вон там. – Полицейский поворачивается и указывает на перекресток. – Рядом с пустырем. Я хотел бы знать, слышали ли вы что-нибудь? Или, может, что-нибудь видели?

Оуэн краснеет. Он чувствует себя виноватым. Не потому, что он что-то сделал, а потому, что он мог что-то сделать. Он всю жизнь чувствовал себя так, будто совершил что-то нехорошее.

Он втягивает в себя воздух, пытаясь убрать румянец на щеках, но от этого становится только хуже. Он шумно выдыхает и говорит:

– Нет. Я ничего не слышал.

– Ваша гостиная. – Полицейский кивает в сторону окна слева от двери. – Ее окна выходят на улицу. Может быть, вы что-то заметили, не совсем понимая, что это было?

– Прошлым вечером меня не было в гостиной. Я имею в виду, это даже не моя гостиная.

– То есть вы живете не один, а с кем-то еще?

– Да. Со своей теткой. Тесси Макдональд. Это ее гостиная. Я никогда туда не захожу.

– Может, она что-то видела?

– Нет. Она сейчас в Тоскане. У нее там дом. Она часто бывает там. Она сейчас в Италии.

Он говорит невнятно. Лепечет. С ним всегда так бывает в присутствии высоких мужчин. В присутствии полицейских.

– Понятно, – говорит инспектор Бёрдетт. – Так или иначе, было около восьми тридцати вечера. Может, вы в это время смотрели передачу по телевизору? Вдруг это разбудит вашу память? Вы заметили что-то необычное? Необычный шум? Может, кто-то, шедший по улице, заставил вас как-то встревожиться?

– Нет. Честно. Вчера я весь день был в своей комнате. Это в задней части дома. Я ничего не видел и ничего не слышал.

– Соседка утверждает… – инспектор Бёрдетт снова бросает взгляд на свой блокнот, – что вчера видела вас на подъездной дорожке примерно в полпятого вечера.

Оуэн прижимает ладонь ко лбу. Он едва переварил обвинения, которые получил на работе, а теперь за ним шпионят анонимные соседи, сообщают в полицию о его передвижениях в связи с каким-то сексуальным нападением.

– Простите?

– Это были вы? В четыре тридцать вечера?

– Не знаю, – говорит он. Потом он вспоминает, что сегодня день вывоза мусора и да, вчера он выносил мусор. – В какой-то момент я выносил мусор, – говорит он. – Но я не могу точно сказать вам, когда именно.

Говоря это, он вспоминает девушек, которые шли мимо. Две школьницы. Одна из них была та самая, которая вела себя так, будто опасалась, что он на нее набросится, когда накануне вечером он шел домой с работы. Другая была совсем крошечной, с черными волосами. Они посмотрели на него и что-то сказали друг другу. Затем ускорили шаг и скрылись в доме напротив.

Тогда он подумал, что у него паранойя, вообразил, что они говорят о нем. Теперь он может только предполагать, что так и было. Он вздыхает.

– Но примерно?

– Примерно после полудня. Помню, уже стемнело.

– И кроме этого вы не выходили из дома?

– Нет. Не выходил.

Инспектор Бёрдетт складывает блокнот пополам и засовывает его в карман.

– Спасибо, мистер Пик. Я ценю ваше время.

– Ничего страшного, – отвечает Оуэн. А затем, когда полицейский поворачивается, чтобы уйти, добавляет: – С ней все в порядке? С той девушкой?

Инспектор Бёрдетт еле заметно улыбается.

– С ней все в порядке, – говорит он. – Но спасибо, что спросили.

– Хорошо, – говорит Оуэн. – Хорошо.

14

Как ни странно, в детстве Оуэн был красивым ребенком. Когда ему было года четыре, мать попыталась пристроить его в модельный бизнес. Его не взяли, потому что он очень стеснялся перед камерой. Но у него было лицо херувима: темные глаза, красные губы, ямочки на щеках.

Увы, лицо, такое красивое у маленького ребенка, не превратилось в красивое лицо подростка. В этом возрасте он был на редкость неуклюж. Он и по сей день не может смотреть на фотографии самого себя в возрасте от одиннадцати до

восемнадцати лет.

Но сейчас, когда ему тридцать три, он чувствует, что его черты вновь обрели гармонию. Он подходит к зеркалу, и на него снова смотрит относительно симпатичный молодой мужчина. Ему особенно нравятся глаза. Они настолько темно-карие, что кажутся почти черными. Он унаследовал их от своей бабушки по материнской линии, которая была наполовину марокканкой.

Он не ходит в качалку, что правда, то правда. Его тело не слишком развито физически, но в одежде это не заметно. Вы бы даже не догадались о дряблости кожи вокруг пупка, о слегка обвисших грудных железах. В тщательно подобранной одежде он выглядит как рядовой посетитель тренажерного зала.

Оуэн не верит, что женщины отвергают его на том основании, что он «не атлет». Это он мог бы принять. Но ни одна женщина не видела его раздетым. Ни разу. Ни одна. Похоже, что по какой-то необъяснимой причине Оуэн не соответствует критериям ни одной женщины во всей стране. И все же он каждый день видит мужчин, которые выглядят намного хуже, чем он сам, с женщинами, которые кажутся ему привлекательными, или с детьми, что доказывает, что в какой-то момент они нравились женщине, мужчин с обручальными кольцами на пальцах, с фотографиями симпатичных женщин на рабочем столе или фотографиями детей, которых красивые женщины позволили им сделать, и это сбивает его с толку, это совершенно сбивает его с толку.

Не то чтобы Оуэн привередлив. На самом деле он совсем не привередлив. Он, пожалуй, сказал бы «да» восьмидесяти процентам взрослых женщин, если бы они пригласили его на ужин. Может, даже процентам девяноста.

В ванной комнате Тесси, с электрическим обогревателем над дверью, который светится красным, как закат в Сахаре, и который, вероятно, был бы запрещен пожарной инспекцией, напротив унитаза есть зеркало в полный рост. Оуэн понятия не имеет, что могло заставить кого-то установить зеркало в полный рост напротив унитаза. Но вот оно, висит на стене, и с годами он к нему привык. Бо?льшую часть времени он его не замечает. Но иногда использует его, чтобы оценить свою физическую форму.

Ему нужно смотреть на себя через определенные промежутки времени, потому что никто другой его не видит, и, если он не будет напоминать себе о своих трех

измерениях, он может просто растворить ся и исчезнуть. Он разглядывает свой член. У него красивый пенис. Он как-то смотрел шоу о свиданиях, где обнаженных мужчин, стоящих в капсулах, внимательно рассматривали полностью одетые женщины, и почти у каждого был уродливый пенис. Но его пенис хорош. Он признает это объективно. Но ни одна женщина ни разу его не видела.

Оуэн вздыхает, снова натягивает трусы и застегивает молнию на брюках. Затем возвращается в свою комнату и заходит в блог пользователя YourLoss, который обнаружил вчера, щелкнув ссылку, включенную в его онлайн-комментарий.

Веб-сайт YourLoss – это портал в мир, о существовании которого Оуэн даже не догадывался.

Автор называет себя инцелом. Этот термин имеет гиперссылку на страницу Wiki, которая описывает инцелов следующим образом:

«…Члены интернет-субкультуры, считающие себя неспособными найти сексуального партнера, несмотря на такое желание. Инцелы в основном белые и почти исключительно гетеросексуальные мужчины. Термин “инцел” представляет собой сокращение фразы “невольно сохраняющие целибат”».

Пользователю YourLoss тридцать три года, как и Оуэну, и он открыто заявляет, что не имел сексуальных контактов с семнадцати лет. У Оуэна вообще никогда не было секса.

Девушка лишь раз залезла к нему в штаны и прикоснулась к его члену. Тогда ему было лет девятнадцать. Но все закончилось глупо и преждевременно. Девушка быстро убрала руку и бросилась искать раковину. Это был один из самых позорных моментов в его жизни. Он годами снова и снова прокручивал его в голове, как будто снова и снова резал себя острым ножом. Чем больше он думал об этом, тем больше пугался того, что вновь угодит в такое же неловкое положение. С тех пор он винил за отсутствие секса себя, за то, что женщины даже не смотрели в его сторону и не прикасались к нему. Да-да, это целиком и полностью его вина. Но, читая блог YourLoss, он начинает подвергать это сомнению.

Потому что YourLoss не винит себя. YourLoss обвиняет всех остальных и страшно зол на весь мир.

Он зол на мужчин, которых называет «чэды». Чэды – это парни, которые занимаются сексом. Согласно YourLoss, чэды занимаются сексом не потому, что они лучше парней, которые не занимаются сексом. Они занимаются сексом, потому что делают из себя «сексапильных красавчиков». Это означает, что для того, чтобы выглядеть более привлекательно, чем нормальные парни, они искусственно накачивают свои тела, посещают студии загара и отбеливают зубы, делают пластические операции и ухаживают за своими бровями и кожей. Они получают секс, потому что несправедливо настраивают систему против таких мужчин, как YourLoss. И, как подозревает Оуэн, таких мужчин, как он сам. Они явно жульничают.

Но в основном он точит зуб на женщин. На Стейси и Бекки, как он их называет. Стейси – дорогие женщины, женщины-трофеи, женщины, у которых может быть любой мужчина, какого они захотят. Эти женщины вызывают у него злость, потому что они точно знают, что делают. Они осознают свою власть над мужчинами и свою цену и сознательно пользуются ими, чтобы заставить парней вроде YourLoss чувствовать себя никчемными. Бекки – менее привлекательные женщины, но даже они по-прежнему считают, что имеют право отвергать таких мужчин, как YourLoss, которые недотягивают до их стандартов.

YourLoss много гуляет. Он ходит пешком, сидит на скамейках и в тихих уголках пабов, смотрит и пишет о том, что видит. Если почитать его, несправедливости таятся в любом уголке безымянного города, в котором он живет.

Оуэн нажимает на пост под названием «Снежная шутка». Он читает:

«Мой город сегодня белый. У нас снег. На мгновение это заставляет меня почувствовать, будто все возможно. Все спрятано, как будто мир облачен в униформу. И все вокруг в самой громоздкой, самой теплой и жутко уродливой одежде, так что теперь мы все равны.

Но мы ведь не такие, правда? Под снегом эта машина по-прежнему остается “Мерседесом-купе”, а вон та – все тем же “Фордом Фокусом”, и вы, черт возьми, отлично это знаете, даже не соскребая снег. Вы видите проблеск красного лака, безошибочный узнаете изгиб бампера. Так что, хотя мы все в наших худших

шмотках, все равно ясно, кто победитель, а кто проигравший. Вот идет несчастная Бекки, плетется по снегу в своих старых растоптанных сапожках-угги. Разве она не знает, что они пропускают воду?

Тьфу. Нет, не знает, потому что она дура. И, посмотрите, вон там идет Стейси в резиновых сапогах фирмы “Хантер”, 100 фунтов за пару, или вы не знаете? Страшны, как смертный грех. Но хотя бы не пропускают воду. И наверняка найдутся фетишисты, которые тащатся от зеленой резиновой обуви… И она, конечно, наштукатурена. Она не допустит, чтобы несколько ледяных фракталов помешали ей наложить боевую раскраску. Не позволит вашим стандартам рухнуть полностью.

Этот город, этот гребаный город. В нем полно позеров. А если ты не позер, значит, подражатель позера. А если ты не подражатель позера, то ты лузер, даже если ты победитель.

Я хожу в гастропаб рядом с главной площадью. Он стал гастропабом всего несколько недель назад. До этого это был обычный паб. Или, если быть точным, постоялый двор. «Приют охотников», так когда-то называлось это заведение. Там снаружи есть фонари и подъездная дорожка, где когда-то привязывали лошадей. Несмотря на недавний ремонт, в снегу, с горящими фонарями, он все еще выглядит как будто из эпохи Диккенса, и на мгновение я чувствую себя вне времени. Я счастлив, как будто я из той эпохи. В старину каждый мужчина мог найти себе женщину.

И если тогда они не могли заставить женщину полюбить себя, были другие способы найти женщин и удержать их. Тогда женщины нуждались в нас больше, чем мы в них. Что, черт возьми, случилось с этим миром?

Я покупаю себе пинту пива. Сажусь у окна. Я смотрю, как утки снуют по замерзшему пруду. Я смотрю на снег. Завтра его не будет».

Оуэн надевает серую рубашку и темные джинсы. Он оценивает себя в зеркале на внешней стороне гардероба. В целом неплохо. Возможно, следовало постричься чуть раньше; челка как-то вяло нависает над глазами. И он очень бледный. Но сейчас февраль, а в феврале он всегда бледный. Через полтора часа у него встреча в колледже. Впервые за последние две недели он уйдет из дома ради чего-то другого, кроме походов в магазин за продуктами. В животе еле слышно бурчит от нервного напряжения. Не только от мысли, что ему предстоит спуститься в метро, сидеть в вагоне напротив каких-то людей и пробираться сквозь толпы незнакомцев, но и от того, что скажут ему в колледже. По заявлению девушек там провели полное расследование. Начальство хочет, чтобы он «заглянул на полчаса или около того», чтобы сообщить ему последнее решение.

– Разве нельзя просто сказать мне это по телефону? – поинтересовался он.

– Нет, – ответила Холли. – Боюсь, что нет, Оуэн. Ваше личное присутствие обязательно.

Он вытаскивает из-под кровати злосчастные туфли. Они валялись там с тех пор, как две недели назад он запихнул их туда ногой. Они появляются на свет, таща за собой комки пыли. Оуэн оценивающе смотрит на них после их двухнедельного вынужденного «отдыха». Нет, решает он, это дрянные ботинки. Больше он их не наденет. Вместо этого он влезает в удобные черные туфли на резиновой подошве и со шнурками, те, к которым он уже дважды подклеивал отставшие подметки.

В кухне он готовит себе завтрак: тост и ломтик сыра. Оуэн кладет масло обратно в холодильник, когда появляется Тесси. Она вернулась из Италии и с тех пор пребывает в странном настроении.

– Ты не опоздаешь? – спрашивает она. – Уже почти десять.

– Мне не нужно быть там раньше одиннадцати, – отвечает он. Он не сказал ей о своем отстранении от работы. Зачем? Она осудит его, скажет что-нибудь о его матери, сделает все на десять процентов хуже, чем сейчас.

– Везет же некоторым, – говорит Тесси, проходя мимо него к раковине, где снимает с сушилки перевернутую чайную чашку и осматривает ее изнутри,

затем споласкивает и включает чайник.

Тесси – старшая сестра его матери. Мать Оуэна умерла. Она умерла, когда ему было восемнадцать. Отец Оуэна живет на юге Лондона с новой женой и еще одним сыном. После смерти матери Оуэн прожил с ними месяц. Это был самый тоскливый месяц в его жизни. Он вспоминает, как Тесси на похоронах матери прикоснулась к его руке и сказала: «Помни, у меня всегда найдется для тебя комната, если она тебе понадобится».

Похоже, это было сказано лишь для красного словца. Но теперь, пятнадцать лет спустя, он застрял у нее, и, похоже, надолго. Когда Оуэн переехал к ней, ей было сорок. Сейчас ей пятьдесят пять, но она ведет себя так, будто ей шестьдесят пять. В легинсах из лайкры и толстовке с капюшоном ее не увидишь. Ее волосы серо-стальные и пушистые. Она покупает одежду в странных магазинчиках в Хэмпстеде, где продаются мешковатые льняные туники, такие же мешковатые брюки и шляпы с широкими полями.

– Вчера вечером я столкнулась с Эрнесто, – говорит она.

Оуэн кивает. Эрнесто – холостяк неопределенного возраста, который живет в квартире над ними.

– Он сказал, что пару недель назад сюда приходила полиция. Он видел, как ты разговаривал с ними на крыльце. Что это было?

Оуэну как будто дали под дых.

– Ничего, – говорит он. – Какое-то нападение в этом районе. Полицейские ходили от двери к двери и расспрашивали.

– Нападение, – говорит она, прищурившись. – Какого рода нападение?

– Не знаю. – Он выбрасывает корки в мусорное ведро. Тридцать три года. В его возрасте он должен уметь есть корочки. – На женщину, кажется.

– Сексуальное нападение? – уточняет Тесси.

– Да, – отвечает он. – Наверное.

Возникает короткая, но многозначительная пауза. В тишине он слышит, как тетка делает глубокий вдох; видит, как в ее голове проносится мысль, причем с такой скоростью, что Тесси слегка откидывает голову. Она прищуривается, но лишь на миг.

– Вот как, – говорит она. – Надеюсь, они поймали этого… кем бы он ни был. Я не знаю, что происходит в нашем районе. Раньше тут было безопасно.

* * *

После напряженного пятиминутного ожидания в приемной колледжа Оуэна проводят в тот же кабинет, что и в прошлый раз. Джед Брайант снова здесь с Холли и Клэрис. И еще одна женщина, маленькая и угловатая, ее представили как Пенелопу Офили. Она третейский судья.

– Зачем нам судья? – спрашивает он.

– Просто для прозрачности.

Прозрачность. Оуэн медленно моргает и втягивает щеки.

– Пожалуйста, – говорит Джед, – присаживайтесь.

– Как дела? – спрашивает Холли. – Надеюсь, вам удалось отдохнуть?

– Не совсем, – говорит Оуэн. – Нет.

Улыбка застывает на губах Холли, она резко отворачивается и говорит:

– Итак, большое спасибо, что пришли снова, Оуэн. Как вы знаете, мы очень много работали над расследованием жалоб двух ваших студенток на ваше поведение на рождественской вечеринке в декабре прошлого года.

Оуэн слегка ерзает на стуле, расставляет ноги, снова их скрещивает. С тех пор, как против него были выдвинуты обвинения, он сто раз размышлял о событиях того вечера и до сих пор так и не смог найти тот момент, когда его поведение перешло грань между веселым и оскорбительным. Потому что суть здесь вот в чем: для того чтобы все эти люди сидели в этой комнате вместе, выкроив время из своих дней, и даже прибегли к услугам независимого судьи, должна иметься некая фундаментальная убежденность в том, что оскорбление имело место.

Он в третий раз закидывает ногу на ногу. И понимает: это выглядит нервно и глупо, что вполне понятно, но может создать впечатление, что он чувствует себя виноватым. Ему следовало с кем-то поговорить, теперь Оуэн это понимает. С тех пор как он в последний раз здесь сидел, ситуация скорее обострилась, чем успокоилась.

– Мы поговорили с несколькими студентами, которые были там в тот вечер, – продолжает Холли. – Боюсь, Оуэн, что все они подтверждают первоначальное обвинение.

Не поднимая глаз, он кивает.

– Несколько человек видели, как вы трогали этих девушек. Еще несколько человек сообщают, что они присутствовали в тот момент, когда вы забрызгали девушек потом со лба. Все они подтверждают, что это было преднамеренное действие и что вы сделали это несколько раз, хотя девушки просили вас остановиться.

– Кроме того, у нас есть несколько заявлений, подтверждающих жалобы на ненадлежащее преподавание: предпочтение юношам, принижение девушек, игнорирование их, более строгая оценка в одних случаях или отсутствие должной похвалы в других. В отдельных случаях – использование во время занятий неприемлемой лексики.

Он поднимает взгляд.

– Например?

– Минутку. – Холли просматривает свои записи. – Вы использовали такие слова, как «смелее, парни». Называли некоторые фрагменты кода «красотулями».

Называли студенток «девочки». А других студентов – такими словами, как «ненормальный» и «чокнутый».

– Но…

– Подшучивали над студентами, страдающими пищевой аллергией.

– Нетерпимость…

– И над студентами-веганами.

Оуэн закрывает глаза и вздыхает.

– Ради бога, – бормочет он под нос.

Холли прищуривается, глядя на него, упирается пальцем в последнюю строчку своих записей и говорит:

– Кроме того, имело место чрезмерное богохульство.

– Богохульство? – уточняет Оуэн. – В самом деле? О боже.

Он осознает свою оплошность и закрывает глаза.

– Итак, – говорит он, – что теперь?

На миг воцаряется молчание. Все трое, кроме Оуэна, обмениваются взглядами. Затем Холли вытаскивает из папки листок бумаги и передает ему через стол.

– Мы предлагаем вам, Оуэн, пройти этот учебный курс. Он рассчитан на неделю и затрагивает все вопросы, которые мы сегодня обсуждали. Если по окончании курса вы почувствуете, что обучение пошло вам на пользу и вы получили более четкое представление о том, что уместно, а что нет на рабочем месте с детьми, мы сможем вести разговор о вашем возвращении к работе. Но вы должны приложить усилия. На сто процентов. Прочтите это. Скажите мне, что вы думаете. Вы для нас очень ценный сотрудник, Оуэн. – Кривая улыбка. – Мы не

хотим вас терять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/layza-dzhuell/nevidimaya-devushka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить